

КОЛЫБИ ВЕСТИК

6+

6/2021

Учредители
журнала:

АО «Молодая
гвардия»
и коллектив
редакции

Главный
редактор

Ю.И. Кочетков

Редакционная
коллегия:

С.В. Винокурова

В.З. Денискина

И.Н. Зарубина

О.В. Клековкина

Ю.И. Котов

Т.М. Морева

И.И. Семёнова

А.П. Торопцев

З.А. Шишкова

СОДЕРЖАНИЕ

Внимание, конкурс!	1
<hr/>	
Саша Чёрный. Дневник фокса Микки	2
<hr/>	
Маша Лукашкина. Стойка на руках на уроках ботаники	45

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Наш журнал предлагает всем незрячим и слабовидящим школьникам поучаствовать в литературном конкурсе «Проба пера». На конкурс принимаются произведения обо всём, что происходит с вами и вокруг вас, обо всём, что вас волнует, радует и огорчает.

Вы можете присылать любые ваши впечатления, воспоминания и раздумья, отражённые в стихах и прозе!

Победители литературного конкурса награждаются грамотами за 1, 2 и 3 места.

За первое места победитель получает приз — многофункциональный флеш-плеер «Спутник-202».

За второе и третье место авторы получают в подарок книги, которые смогут выбрать из предложенного редакцией списка.

Тексты принимаются в электронном виде на адрес: schoolvestnik@mail.ru, с пометкой на конкурс.

Окончание приёма заявок 1 декабря 2021 года.

Жюри конкурса — редакция и редколлегия журнала «Школьный вестник».

ДНЕВНИК ФОКСА МИККИ

О ЗИНЕ, О ЕДЕ, О КОРОВЕ И Т. П.

Моя хозяйка Зина больше похожа на фокса, чем на девочку: визжит, прыгает, ловит руками мяч (ртом она не умеет) и грызёт сахар, совсем как собачонка. Всё думаю — нет ли у неё хвостика? Ходит она всегда в своих девочкиных попонках, а в ванную комнату меня не пускает — уж я бы подсмотрел.

Вчера она расхвасталась: видишь, Микки, сколько у меня тетрадок. Арифметика, диктовка, сочинения... А вот ты, цуцик несчастный, ни говорить, ни читать, ни писать не умеешь.

Гав! Я умею думать, — и это самое главное. Что лучше: думающий фокс или говорящий попугай? Ага!

Читать я немножко умею: детские книжки с самыми крупными буквами.

Писать... Смейтесь, смейтесь (терпеть не могу, когда люди смеются)! — писать я тоже научился.

Правда, пальцы на лапах у меня не загибаются, я ведь не человек и не обезьяна. Но я беру карандаш в рот, наступаю лапой на тетрадку, чтобы она не ёрзала, — и пишу.

Сначала буквы были похожи на раздавленных дождевых червяков. Но фоксы гораздо прилежнее девочек. Теперь я пишу не хуже Зины. Вот только не умею точить карандаши. Когда мой иступится, я бегу тихонько в кабинет и тащу со стола отточенные людьми огрызочки.

Ставлю три звёздочки. Я видал в детских книжках: когда человек делает прыжок к новой мысли, он ставит три звёздочки...

Что важнее всего в жизни? Еда. Нечего притворяться! У нас полон дом людей. Они разговаривают, читают, плачут, смеются — а потом садятся есть. Едят утром, едят в полдень, едят вечером. А Зина ест даже ночью: прячет под подушку печенье и шоколадки и потихоньку чавкает.

Как много они едят! Как долго они едят! Как часто они едят. И говорят ещё, что я обжора...

Сунут косточку от телячьей котлетки (котлетку сами съедят!), нальют полблюдца молока — и всё.

Разве я пристаю, разве я прошу ещё, как Зина и другие дети? Разве я ем сладкое: клейстер, который называется киселём, или жидкую гадость из чернослива и изюма, или холодный ужас, который они называют мороженым? Я деликатнее всех собак, потому что я породистый фокс. Погрызу косточку, съем, осторожно взяв из рук Зины, бисквит, и всё.

Но они... Зачем эти супы? Разве не вкуснее чистая вода?

Зачем эти горошки, морковки, сельдерейки и прочие гадости, которыми они портят жаркое?

Зачем вообще варить и жарить?

Я недавно попробовал кусочек сырого мяса (упал на кухне на пол, я имел полное право его съесть!)... Уверяю вас, оно было гораздо вкусней всех этих шипящих на сковородке котлет...

И как было бы хорошо, если бы не варили и не жарили! Не было бы кухарок: они совсем не умеют обра-

щаться с порядочными собаками. Ели бы все на полу, без посуды, — мне было бы веселей. А то всегда сидишь под столом, среди чужих ног. Толкаются, наступают на лапы. Подумаешь, как весело!..

Или ещё лучше: ели бы на траве перед домом. Каждому по сырой котлетке. А после обеда все бы барахтались и визжали, как Зина со мной... Гав-гав!

Меня называют обжорой (выпил глоток молока из кошачьего блюда, подумаешь)...

А сами... После супа, после жаркого, после компота, после сыра — они ещё пьют разноцветные штуки: красную — вино, жёлтую — пиво, чёрную — кофе... Зачем? Я зеваю под столом до слёз, привык около людей окочиваться, а они всё сидят, сидят, сидят... Гав! И всё говорят, говорят, говорят, точно у каждого граммофон в животе завели.

Три звёздочки.

Новая мысль. Наша корова — дура. Почему она даёт столько молока? У неё один сын — телёнок, а она кормит весь дом. И чтоб давать столько молока, она весь день ест, ест свою траву, даже смотреть жалко. Я бы не выдержал. Почему лошадь не даёт столько молока? Почему кошка кормит своих котят и больше ни о ком не заботится?

Разве говорящему попугаю придёт в голову такая мысль?

И ещё. Почему куры несут столько яиц? Это ужасно. Никогда они не веселятся, ходят, как сонные мухи, ле-

тать совсем разучились, не поют, как другие птицы... Это всё из-за этих несчастных яиц.

Я яиц не терплю. Зина — тоже. Если бы я мог объяснить с курами, я бы им отсоветовал нести столько яиц.

Хорошо всё-таки быть фоксом: не ем супа, не играю на этой проклятой музыке, по которой Зина бегает пальцами, не даю молока и «тому подобное», как говорит Зинин папа.

Трах! Карандаш надломился. Надо писать осторожнее — кабинет на замке, а там все карандаши.

В следующий раз сочиню собачьи стихи — очень это меня интересует.

*Фокс Микки,
первая собака, умеющая писать*

СТИХИ, КОТЯТА И БЛОХИ

Взрослые всегда читают про себя. Скучные люди эти взрослые — вроде старых собак. А Зина — читает вслух, нараспев и всё время вертится, хлопает себя по коленке и показывает мне язык. Конечно, так веселей. Я лежу на коврике, слушаю и ловлю блох. Очень это во время чтения приятно.

И вот я заметил, что есть такие штучки, которые Зина совсем по-особому читает: точно котлетки рубит. Сделает передышку, языком прищёлкнет и опять затарахтит. А на конце каждой строчки — ухо у меня тонкое — похожие друг на друга кусочки звучат: «дети — отца, сети — мертвеца...» Вот это и есть стихи.

Вчера весь день пролежал под диваном, даже поху-дел. Всё хотел одну такую штучку сочинить. Придумал — и ужасно горжусь:

По веранде ветер дикий
Гонит листья всё быстреей.
Я весёлый фоксик Микки,
Самый умный из зверей!

Замечательно! Сочинил и так волновался, что даже не мог обедать. Подумайте! Это первые в мире собачьи стихи, а ведь я не учился ни в гимназии, ни в «цехе поэтов»... Разве наша кухарка сочинит такие стихи? А ведь ей сорок три года, а мне только два. Гав! Эта кубышка Зина и не подозревает, кто у неё живёт в доме... Запеленала меня в салфетку, уткнула в колени и делает мне замшевой притиралкой маникюр.

Молчу и вздыхаю. Разве девочка что-нибудь путное придумает?

И вот, лёжа, пробовал прочесть про себя свои стихи наоборот. Тяв! Может быть, так ещё звончей будет?..

Дикий ветер веранде по
Быстреей всё листья гонит...
Микки фоксик весёлый я,
Зверей из умный самый...

Ай-яй-яй! Что же это такое?

Котята! Скажите пожалуйста!.. Их мать, хитрая тварь, исчезает в парке на весь день: шмыг — и нету, как комар в ёлке. А я должен играть с её детьми... Один лижет меня в нос. Я тоже его лизнул, хотя зубы у меня почему-

то вдруг щёлкнули... Другой сосёт моё ухо. Мамка я ему, что ли? Третий лезет ко мне на спину и так царапается, словно меня тёркой скребут. Р-р-р-р! Тише, Микки, тише... Зина хохочет и захлёбывается: ты, говорит, их двоюродный папа.

Я не сержусь: надо же им кого-нибудь лизать, сосать и царапать... Но зачем же эта девчонка смеётся?

Ах, как странно, как странно! Сегодня бессовестная кошка вернулась наконец к своим детям. И знаете, когда они бросили меня и полезли все под свою маму, я посмотрел из-под скатерти, задрожал всей шкурой от зависти и нервно всхлипнул. Непременно напишу об этом стишок.

Ушёл в аллею. Не хочу больше играть с котятками! Они не оценили моего сердца. Не хочу больше играть с Зиной! Она вымазала мне нос губной помадой...

Сделаюсь диким фоксом, буду жить на каштане и ловить голубей. У-у-у!

Видел на граммофонной пластинке нацарапанную картинку: фокс сидит перед трубой, склонил голову набок, свесил ухо и слушает. Че-пу-ха! Ни один порядочный фокс не будет слушать эту хрипящую, сумасшедшую машину. Если бы я был Зинин папа, уж я бы лучше держал в гостиной корову. Она ведь тоже мычит и ревет, да и доить её удобней дома, чем бегать к ней в сарай. Странные люди...

С Зиной помирился: она катала по паркету игрушечный кегельный шар, а я его со всех ног ловил. Ах, как я люблю всё круглое, всё, что катится, всё, что можно ловить!..

Но девочка... всегда останется девочкой. Села на пол и зевает. «Как тебе, Микки, не надоест сто раз делать одно и то же?»

Да? У неё есть кукла, и книжки, и подружки, папа её курит, играет в какие-то дурацкие карты и читает газеты, мама её всё время одевается и раздевается... А у меня только мой шар — и меня ещё попрекают!

Ненавижу блох. Не-на-ви-жу. Могли бы, кажется, кусать кухарку (Зину мне жалко), так нет: целый день грызут меня, точно я сахарный... Даже с котят все на меня перескочили. Ладно! Пойду в переднюю, лягу на шершавый коврик спиной книзу и так их разотру, что они в обморок попадают. Гав-гав-гав!

Затопили камин. Смотрю на огонь. А что такое огонь — никому не известно.

*Фокс Микки,
Собака-поэт,
Умнее которой в мире нет...*

РАЗНЫЕ ВОПРОСЫ, МОЙ СОН И МОИ СОБАЧЬИ МЫСЛИ

Вопросом называется такая строчка, в конце которой стоит рыболовный крючок — вопросительный знак.

Меня мучают пять вопросов:

Почему Зинин папа сказал, что у него «глаза на лоб полезли»? Никуда они не полезли, я сам видел. Зачем же он говорит глупости? Я прокрался к шкафу, сел перед зеркалом и изо всех сил закатил кверху глаза. Чушь! Лоб вверху и глаза на своём месте.

Живут ли на Луне фоксы, что они едят и воют ли на Землю, как я иногда на Луну? И куда они деваются, когда лунная тарелка вдруг исчезает на много дней неизвестно куда?.. Микки, Микки, ты когда-нибудь сойдёшь с ума!

Зачем рыбы лезут в пустую сетку, которая называется вершей? Раз не умеешь жить над водой, так и сиди себе тихо в пруду. Очень мне их жалко! Утром плавали и пускали пузыри, а вечером перевариваются в тёмном и тесном человеческом желудке. Да ещё гнусная кошка все кишочки по саду растаскала...

Почему Зинина бонна всё была брюнеткой, а сегодня у неё волосы — как соломенный сноп? Зина хихикнула, а я испугался и подумал: хорошо, Микки, что ты собака... Женили бы тебя на такой попугайке: во вторник она чёрная, в среду — оранжевая, а в четверг — голубая с зелёными полосками... Фу! Даже температура поднялась.

Почему, когда я себя веду дурно, на меня надевают намордник, а садовник два раза в неделю напивается, буйнит, как бешеный бык, — и хоть бы что?! Зинин дядя говорит, что садовник был контужен и поэтому надо к нему относиться снисходительно. Непременно узнаю, что такое «контужен», и тоже контужусь. Пусть ко мне относятся снисходительно.

Пойду догрызу косточку (я спрятал её... где?.. а вот не скажу!). Потом опять попишу.

Ах, что я видел во сне! Будто я директор собачьей гимназии. Собаки сидят по классам и учат «историю знаменитых собак», «правила хорошего собачьего поведения», «как надо есть мозговую кость» и прочие подходящие для них штуки.

Я вошёл в младший класс и сказал: «Здравствуйте, цуцки!» — «Тяв, тяв, тяв, господин директор!» — «Довольны вы ими, мистер Мопс?» Мистер Мопс, учитель мелодекламации, сделал реверанс и буркнул: «Пожаловаться не могу. Стараются». — «Ну, ладно. Приказываю моим именем распустить их на полчаса».

Боже мой, что тут поднялось! Малыши бросились на меня всей ватагой. Повалили на пол... Один вылил на меня чернильницу, другой уколол меня пером в кончик хвоста — ай! Третий стал тянуть моё ухо вбок, точно я резиновый... Я завизжал, как паровоз, и проснулся. Луна. На полу сидит таракан и подъедает брошенный Зиной бисквит. За окном хлопает ставня. Уй-юй-юй!..

Зинина комната на запоре. Я прокрался в закоулок за кухней и свернулся на коврик у кухаркиной кровати. Конечно, я её не люблю, конечно, она храпит так, что банки дребезжат на полке, конечно, она высунула из-под одеяла свою толстую ногу и шевелит во сне пальцами... Но что же делать?

Окно побелело, а я всё лежал и думал: что означает мой сон? У кухарки есть затрёпанная книга — «сонник». Она часто перелистывает её пухлыми пальцами и всё вычитывает по складам про какого-то жениха. Подумаешь, кто на такой сковородке женится?..

Но что мне сонник? Собачьих снов в нём всё равно нету... А может быть, сон был мне в руку? То есть в лапу.

Мысли:

Вода замерзает зимой, а я каждое утро. Самое гнусное человеческое изобретение — ошейники, обтянутые собачьей кожей. Зачем наш сосед пашет землю и сеет хлеб, когда рядом с его усадьбой есть булочная? Когда щенок устроит совсем-совсем маленькую лужицу на

полу, его тычут в неё носом; когда же то же самое делает Зинин младший братишка, пелёнку вешают на верёвочку, а его целуют в пятку... Тыкать — так всех! Дрался с ежом, но он нечестный: спрятал голову и со всех сторон у него колючий зад. Р-р-р! Это что ж за драка?.. Ел колбасу и проглотил нечаянно колбасную верёвочку. Неужели у меня будет аппендицит?!

Зина пахнет миндальным молоком, мама её — тёплой булкой, папа — старым портфелем, а кухарка... многоточие...

Больше мыслей нету. Взы! Почему никто не догадается дать мне кусочек сахару?

*Фокс Микки,
которому по-настоящему следовало бы быть
профессором*

ОСЕННИЙ КАВАРДАК

Осень. Хлюпает дождик. Как ему не надоест целый день хлюпать? Жёлтые листья всё падают, и скоро деревья будут совсем лысые. А потом пойдут туманы — большая собака заберётся в будку и будет храпеть с утра до вечера. Я иногда хожу к ней в гости. Но она глупая и необразованная: когда я с ней играю и осторожно цапаю её за хвост, она бьёт меня лапой по голове и хватает зубами поперёк живота. Деревенщина!

Туманы-туманы-туманы. Грязь-грязь-грязь. И вдруг потянет теплом. Налетят со всех сторон сумасшедшие птицы. Небо станет как вымытая Зинина голубая юбка, и на чёрных палках покажутся зелёные комочки. Потом

они лопнут, развернутся, зацветут... Ох, хорошо! Это называется — весна.

Деревья, вот даже старые, молодеют каждую весну. А люди и взрослые собаки — никогда. Отчего? Вот Зинин дядя совсем лысый, вся шерсть с головы облезла, точь-в-точь — бильярдный шар. А вдруг бы у него весной на черепе зелёная травка выросла? И цветочки?

Или чтоб у каждой собаки в апреле на кончике хвоста бутон распускался?..

Всё бы я на свете переделал. Но что же может маленький фокс?

А в доме — кавардак. Снимают ковры, пересыпают каким-то на-фта-ли-ном. Ух, как от него чихаешь! Я уж в комнаты и не хожу. Лежу на веранде и лапой тру нос. Ведь я же всегда хожу босиком, к лапам и пристаёт. Прямо несчастье!

Зина собирает свои книжки и мяучит. Братец её лежит в своей колясочке перед клумбой и визжит, как щенок. И только я, фокс Микки, кашляю, как человек, скромно и вежливо: у меня бронхит.

Пусть, пусть собирается. Ни за что я в Париж не поеду. Спрячусь у коровы в соломе — не разыщут.

Ну что там в Париже, подумайте? Был один раз, возили к собачьему доктору. Улиц — миллион, а миллион — это больше, чем десять. Куда ни посмотришь — ноги, ноги и ноги. Автомобили, как пьяные носороги, летят, хрипят — и все на меня!.. Я уж Зининой юбки из зубов не выпускал. Цепочка тянет, намордник жмёт. Как они могут жить в таком карусельном городе!..

Ни за что! Чтоб я сидел у окна и смотрел на вывеску с дамской ногой? Чтоб меня консьержка называла «поросёночком»? Чтоб меня гоняли с кресел и с дивана?!

Чтоб меня попрекали, что я развожу в доме блох?! Я ж их не фабрикаю — они сами разводятся...

И какие там гнусные собаки! Бульдоги с растопыренными лапами, вывороченной мордой и закушенными языками; полосатые доги, похожие на мясников; мопсы вроде жаб, зашитых в собачью шкуру; болоночки — волосатые насекомые с висячими ушами и мокрыми глазами... Фу! Гав-гав! Фу! Отчего это собаки такие разные, а кошки все на один фасон? И знаете — это, впрочем, Зина сказала — они все похожи друг на друга: хозяева на своих собак и собаки на своих хозяев. А Микки и Зина? Что ж, и мы похожи, только бантики у нас разные: у неё зелёный, а у меня жёлтый.

Ах, как из дверей дует! Пальто на диване, а укрыться не умею. Нет, что ни говори — руки иногда вещь полезная.

Грузовик забрал вещи. В столовой — бумаги и сор. Зачем это люди переезжают с места на место? Дела, уроки, квартира... «Собачья жизнь!» — говорит Зинин папа. Нет уж, собачья лучше, это позвольте мне знать.

Меня оставляют. Подружусь с дворовой собакой, ничего не поделаешь. Зина говорит, чтоб я не плакал, обещает раз в неделю приезжать, если я буду себя хорошо вести. Буду! Очень я её люблю: я её сегодня лизнул в глаз, а она меня в нос. Чудесная девочка!

Садовнику приказали меня кормить. Пусть попробует не кормить — я у него все бутылки перебью! Да и мясник меня любит: каждый раз, когда приезжает, что-нибудь даст. Котята выросли, быстро это у них делается... Совсем меня забыли и носятся по парку как оглашенные (что это такое «оглашенные»?). Придётся и с ними подружиться...

Но самое обидное — кончается мой последний карандашный огрызок. А с письменного стола всё убрали. Ах, зачем я не догадался взять про запас! Прощай, мой дневник... Я уж Зину так умолял, так умолял — за платье дёргал, перед письменным столом служил, но она не понимает и всё мне шоколадки в рот суёт. Вот горе! Без рук тяжело, а без языка — из лап вон плохо!..

Моя золотая-серебряная-бриллиантовая тетрадка. Суну тебя под шкаф, лежи там до будущей весны...

Ай-яй! Гав! Зина заметила, что я пишу... Идёт ко мне! Отнима...

Я ОДИН

В доме никого нет. Во все щели дует собачий ветер (почему собачий?). Вообще, ветер дурак: дует в голом парке, а там и сорвать нечего. На дворе ещё кое-как с ним справляюсь: стану спиной к ветру, голову вниз, ноги расставляю — и «наплевать», как говорит садовник.

А в комнате никуда от этого бандита не спрячешься. Врывается из-под двери, сквозь оконные щёлочки, сквозь каминную дыру, и так пищит, и так скулит, и так подвывает, точно его мама была собакой. Ни морды, ни глотки, ни живота, ни зада у него нет. Чем он дует — понять не могу...

Забираюсь под диванную подушку, закрываю глаза и стараюсь не слушать.

Отдал бы полную чашку с овсянкой (ужасная гадость!), если бы мне кто-нибудь объяснил, зачем осень, зачем зима? В аллее такая непроходимая грязь, какую я видал только под носорогом в зоологическом саду. Мокро, голые ветки хлопают друг о друга и чихают. Ворона,

облезшее чучело, дразнится: «Кра! — почему тебя не взяли в город?»

Потому что сам не захотел! А теперь жалко, но держусь молодцом. Вчера только поплакал у камина, очень уж гадко в темноте и сырости. Свечку нашёл, а зажечь не умею. У-у-у!

К садовнику не хожу. Он сердится: почему у меня лапы всегда в грязи? В сабо мне ходить, что ли?

Ах, ах... Одна только радость — разыскал в шкафу позабытую сигарную коробку с карандашами, стянул в буфетной приходо-расходную книжку и вот опять веду свой дневник.

Если бы я был человеком, непременно издавал бы журнал для собак!

Скребутся мыши. Хотя фоксам это не полагается, но я очень люблю мышей. Чем они виноваты, что они такие маленькие и всегда хотят есть?

Вчера один мышонок вылез и стал катать по полу прошлогодний орех. Я ведь тоже люблю катать всё круглое. Очень хотел поиграть с ним, но удержался: лежи, дурак, смирно! Ты ведь большой, как слон: напугаешь малыша, и он больше не придёт. Разве я не умница?

Сегодня другой до того осмелел, что взобрался на диван и понюхал мою лапу. Я прикусил язык и вздрогнул. Тяф! Как я его люблю!

Вот только как их отличать одного от другого?.. Если кошка посмеет их тронуть, я её загоню на самую высокую ёлку и целый день сторожить буду... Гав! Дрянь! Ненавижу!..

Почему ёлки всю зиму зелёные? Думаю, потому, что у них иголочки. Ветру листья оборвать не штука, а иго-

лочки — попробуй! Они тоненькие — ветер сквозь них и проходит, как сквозь решето...

До чего я исхудал, если бы вы знали. Зинина тётя была бы очень довольна, если бы была теперь похожа на меня. Она ведь всё похудеть хочет. А сама целый день всё лопаёт и затягивается.

Проклятый садовник и консьерж сговорились: съедают всю провизию сами, а мне готовят только эту ужасную овсянку. Дворовому псу дают большие кости и суп с чёрствым хлебом. Он со мной делится, но где ж мне разгрызть такую кость, когда она твёрже утюга? А суп... Таким супом в бистро тарелки моют!

Даже молока жалеют, жадины! Молоко ведь даёт корова, а не они. Уж я бы её сам подоил: мы с ней дружны, и она мне всегда в глаза дышит, когда я прибегаю в сарай. Но как я её буду доить моими несчастными лапами?..

Придумал штуку. Стыдно очень, но что ж делать — есть надо. Когда дождь утихнет, бегаю иногда в соседнее местечко к знакомому бистровщику. У него по вечерам под граммофон танцы. Пляшут фокстрот. Должно быть, собачий танец.

Я на задние лапки встану, живот подтяну, верчусь и головой киваю.

Все пары и танцевать бросят... В кружок соберутся и хохочут так, что граммофона не слышно.

И уж такую порцию мяса мне закажут, что я еле домой добираюсь. Да ещё телячью косточку в зубах принесу на завтрак...

Вот до чего ради голода унижаться приходится!

Жаль только, что нет другой маленькой собачки. Мы бы с ней танцевали вдвоём и всегда были сыты.

Надо записать все свои огорчения, а то потом забуду.

Петух ни с того ни с сего клюнул меня в нос. Я только подошёл поздороваться... Зачем же драться, нахал горластый?! Плакал, плакал, сунул нос в корытце с дождевой водой и до вечера не мог успокоиться...

Зина меня забыла!

В мою чашку с овсянкой забрался чёрный таракан, задохся и утонул. Какая мерзость! Птицы, кроме петухов, туда-сюда; кошки — гадость, но всё-таки звери. Но кому нужны чёрные тараканы?!

На шоссе чуть не попал под автомобиль. Почему он не гудел на повороте?! Почему обрызгал меня грязью?! Кто меня отмоет? Ненавижу автомобили! И не по-ни-ма-ю...

Зина меня забыла!

Спугнул в огороде дикого кролика и налетел на колючую проволоку. Уй-ю-юй, как больно! Зина говорила, что, если порежешься ржавым железом, надо сейчас же смазаться йодом. Где я возьму йод? И йод ведь щиплет — я знаю...

Мыши проели в моём дневнике дырку. Никогда больше не буду любить мышей!

Зина меня забыла...

Сегодня нашёл в бильярдной кусочек старого шоколада и съел. Это, правда, не огорчение, а радость. Но радостей так мало, что не могу же я для них отдельную страницу отводить.

Одинокий, несчастный, холодный и голодный фокс Микки

ПЕРЕЕЗД В ПАРИЖ

Вы любите чердаки? Я — очень. Люди складывают на чердаках самые интересные вещи, а по комнатам расставляют скучные столы и дурацкие комоды.

«Когда сердце моё разрывается от тоски», как говорит Зинина тётя, я прибегаю из голого парка, вытираю о диван лапы и бегу на чердак.

Над стеклом в потолке пролетают воробьи; они вроде мышей, только с крылышками. «Чик-чивик!» — «Доброе утро, силь ву пле!»

Потом здороваюсь со старой Зининой куклой. У неё чахотка, и она лежит в пыльной дырявой ванне, задрав кверху пятки. Я её перевернул, чтобы всё было прилично... Поговорил с ней о Зине.

Да, конечно, сердце девочки — одуванчик. Забыла куклу, забыла Микки. А потом у неё появится дочка, и всё начнётся сначала... новая дочка, новая кукла, новая собачка. Апчи! Как здесь пыльно!

Обнюхал разбитую люстру, лизнул резиновую собачку — у неё, бедной, в животе дыра... разорвал в клочки собачью плётку...

«И скучно, и грустно, и некому лапу пожать!...»

Если бы я был сильнее, я бы отодвинул старую ванну и устроил себе на чердаке комнату. Под раненый диван поставил бы попугайскую клетку: это моя спальня. На китайском бильярде устроил бы себе письменный стол. Он покатый — очень удобно писать!

Уборную устрою на крыше. Это и «гигиенично», и приятно. Буду лазить, как матрос, по лестничке в слуховое окошко.

А намордник свой заброшу в дымовую трубу! Апчи!.. Чихнул — значит, так и будет.

Ай! На шоссе экипаж... Чей? Чей? Чей? И-и-и! Зина приеха...

Третью неделю живу в Париже — 16, рю д'Ассомпсion, телефон Отей 12-37. Третий этаж направо. Кордон, силь ву плэ!

Вы бы меня и не узнали: лежу у камина на подушечке, как фарфоровая кошка. Пахнет от меня сиреневым мылом, сбоку зелёный галстук. На ошейнике серебряная визитная карточка с адресом... Если бы я умел говорить, украл бы франк и купил себе манжетки.

Зина в школе... На соседнем балконе сидит преотвратительная собачонка. В ушах пакля, в глазах пакля, на губах пакля. Вообще, какая-то слезливая муфта, мусорная тряпка, собачья слепая кишка, пискливая дрянь! И знаете, как её зовут? Джио-ко-нда... Морда ты, морда тухлая!

Когда никого нет на балконе, я её дразню. Ух, как приятно! Становлюсь к ней задом и начинаю дёргать задней ногой: пять минут дёргаю.

Ах, какую она истерику закатывает! Как кот под автомобилем...

— Яй-яй-яй-и! Уй-уй-уй-о! Ай-ай-ай-э!..

Катышком прибегает её хозяйка, такая же коротенькая, лохматенькая, пузатенькая, живот на ходу застёгивает, и, боже мой, чего она не наговорит:

— Деточка моя, пупусичка! Кто тебя оби-би-би-дел? Бедные мои глазочки! Чудные мои лапочки! Золотой, дорогой хвостичек!..

А я в комнату со своего балкона спрячусь, точно меня и на свете нет, по ковру катаюсь и лапами себя по носу бью. Это я так смеюсь.

Внизу, вверху, справа и слева играют на пианино. Я бы им всем на лапы намордники надел! Зина в школе.

И зачем девочке так много учиться? Всё равно вырастет, острижёт волосы и будет на кушетке по целым дням валяться. Уж я эту породу знаю.

Вчера из усадьбы приезжал садовник. Привёз яблоки и яйца. Лучшие отобрал для кухарки (знаем, знаем!), а худшие — для Зининых родителей. Поймите людей: носят очки, носят пенсне, а ничего у себя под носом не видят...

Прокрался в переднюю, встал на стул и положил ему в карман пальто рыбьих кишочков... Пусть знает!

Был с Зиной в синема. Очень взволнован. Как это, как это может быть, чтобы люди, автомобили, дети и полицейские бегали по полотну?! И почему все серые, чёрные и белые? Куда же девались краски? И почему все шевелят губами, а слов не слышно?.. Я видел на чердаке в коробочке засушенных бабочек, но, во-первых, они не двигались, а во-вторых, они были разноцветные...

Вот, Микки, ты и дурак, а ещё думал, что ты всё понимаешь!

Представление было очень глупое: он влюбился в неё и поехал на автомобиле в банк. Она тоже влюбилась в него, но вышла замуж за его друга. И поехала на автомобиле к морю с третьим. Потом был пожар и землетрясение в ванной комнате. И качка на пароходе. И негр пробрался к ним в каюту. А потом все помирились...

Нет, собачья любовь умнее и выше!

Неприменно надо изобрести синема для собак. Это же бессовестно — всё для людей: и газеты, и скачки, и карты. И ничего для собак.

Пусть водят нас хоть раз в неделю, а мы, сложив лапки, будем культурно наслаждаться.

«Чужая кость»... «Похороны одинокого мопса»... «Пудель Боб надул мясника» (для щенков обоего пола)...

«Сны старого дога»... «Сенбернар спасает замёрзшую девочку» (для пожилых болонок)... «Полицейская собака Фукс посрамляет Пинкертона» (для детей и для собак).

Ах, сколько тем, Микки!.. Ты бы писал собачьи сценарии и ни в ком не нуждался...

Новый стишок:

На каштанах надулись почки —

Значит, скоро весна.

У Зининой мамы болят почки,

Поэтому она грустна...

Главный собачий фильм-директор фокс Микки

НА ПЛЯЖЕ

Ах, как переменилась моя жизнь! Зина влетела в комнату, хлоп — сделала колесом реверанс, ручки — птичками, глазки — вниз, и ляпнула:

— Микки! Мой обожаемый принц... мы едем к морю.

Я сейчас же полетел вниз, к консьержкиной болонке. Она родилась у моря и очень симпатично ко мне относится.

— Кики, муфточка... меня везут к морю. Что это такое?

— О! Это много-много воды. В десять раз больше, чем в люксембургском фонтане. И везде сквозняк. Моей хозяйке было хорошо, она могла затыкать уши ватой... Море то рычит, то шипит, то молчит. Никакого порядка! За столом очень много рыбы. Дети копаются в песке и наступают собакам на лапы. Но ты фокс: тебе будут бросать в воду палки, и ты их будешь вытаскивать...

— Чудесно!

— А когда ты устанешь, всегда возле моря на горке есть лес. Будешь разрывать кротовые норки и кататься по вереску.

— Это что за штука?

— Травка такая курчавенькая. Вроде бороды. Лило-венькие цветочки, и пахнет скипидарчиком.

— Ну, спасибо! Дай лапку. Что тебе привезти с моря?

— Утащи у какой-нибудь девчонки тёпленький шарфик. Мой уже износился.

— Кики, я честный! Я не могу. Но сегодня у нас гости, я стащу для тебя шоколадного зайца.

— Мерси. Прощай, Миккочка...

Она ушла в угол и вытерла глаза о портьеру. Кажется, она в меня влюблена.

«В десять раз больше люксембургского фонтана...» У этих болонок нет никакого глазомера. В двадцать раз больше! До самого неба вода и больше ничего. И солёная, как селёдка... Почему солёная? Дождик ведь пресный, и ручеёк в лесу, который всё время подливает в море воду, тоже пресный. А?

Люди ходят голые, в полосатых и чёрных попонках. В дырки снизу вставляют ноги. Пуговицы на плече. Вообще — глупо. Я, слава богу, купаюсь без костюма. Ах, что мы с Зиной выделяем в воде! Я лаю на прибой, а она бросает в меня мячик... Но он большой и скользкий, а рот у меня маленький. И никак его, чёрта, не прокусишь! Гав!

Подружился со всеми детьми. Есть такие маленькие, что даже не могут сказать «Микки» и зовут меня: «Ми»! Сидят голенькие на песке и пускают пузыри. А один всё старается себе ногу в рот засунуть. Зачем?..

Я бегаю, вытаскиваю из воды детские кораблики, прыгаю через их песочные постройку, гоняюсь вперегонки с пуделем Джеком, и весь берег меня знает. Какой чудный фокс! Чей это фокс? Зинин? Замечательный фокс!..

Вчера подсмотрел. У детей никаких хвостиков нет. Напрасно я сомневался...

Теперь про взрослых. Мужчины ходят в белых костюмчиках. Полдня курят. Полдня читают газеты. Полдня купаются. Полдня снимаются. Плавают хорошо, но очень далеко заплывают. Я слежу с купальной лестницы и всё волнуюсь: а вдруг утонет... Что я тогда должен делать?

Очень хорошо прыгают в воду с мостика. Руки по швам, голову вперёд — и бум! Перевернётся в воздухе рыбкой, руки вниз — и прямо в воду... Пена... Никого нет... И выплывет совсем в другом месте.

Я тоже взобрался на мостик и страшно-страшно хотел прыгнуть. Но так высоко! И так глубоко! Задрожал и тихонько спустился вниз. Вот тебе и Микки...

Дамы всё переодеваются и переодеваются. Потом раздеваются, потом опять переодеваются. Купаться не очень любят. Попробует большим пальцем правой ноги воду, присядет, побрызгает на себя водой и лежит на берегу, как индюшка в гастрономической витрине.

Конечно, есть и такие, которые плавают. Но они больше похожи на мальчиков. Вообще, я ничего не понимаю.

Сниматься они тоже любят. Я сам видал. Одни лежали на песке. Над ними стояли на коленках другие. А ещё над ними третьи стояли в лодке. Называется: группа... Внизу фотограф воткнул в песок табличку с названием нашего курорта. И вот нижняя дама, которую табличка немножко заслонила, передвинула её тихонько к

другой даме, чтобы её заслонить, а себя открыть... А та передвинула назад. А первая — опять к ней. Ух, какие у них были злющие глаза!

Стишок:

Когда дамы снимаются
И заслоняются,
Они готовы одна другой
Дать в глаз ногой!..

Да! Что я узнал!.. Море иногда сходит с ума и уходит. Курорт ему надоедает или что, я не знаю. И на песке всякие ракушки, и креветки, и слизняки... Зина говорит, что это всё морские глисты. А потом море соскучится и приходит назад. Называется «прилив — отлив».

Здесьнее море люди почему-то называют океаном.

Я было как-то погнался за морем, когда оно уходило, но Зина привязала меня чулком к скамейке. Нелюбознательная девочка!

Вчера познакомился в соседнем русском пансионе с кухаркой Дарьей Галактионовной. Руки у неё толстые, как итальянская колбаса, но, в общем, она миленькая. Называет меня Микитой и всё ворчит, что я с пляжа в кухню ей песок на лапах таскаю.

Песок вымести можно! Экая важность...

Еда так себе. Хотя я не интересуюсь: дети меня кормят шоколадом, котлетками и чем только хотите. Зина всё просит, чтобы я так много не ел, а то у меня сделается ожирение сердца и меня придётся везти в Мариенбад. А что, если бы был курорт для фоксов? Фок-сенбад! Вот бы там открыть собачий кинематограф... Собачьи скачки, собачью рулетку, собачью санаторию для подаг-

рических бульдогов... Умираю от злости! Почему, почему, почему для нас ничего не делают?

Кошек здесь нет. Ни одной кошки. Ни полкошки. Ни четверть кошки...

Неужели они все пошли на котлетки? Брр! Нет, нет, я бегал на кухню, смотрел: куры, телячье мясо, баранина... А то бы я из курорта куда глаза глядят убежал!

Зина вчера мне устроила лунное затмение. Луна была такая круглая, огромная, бледная... Совсем как живот у нашего хозяина пансиона. Я задумался, загрустил и чуть-чуть-чуть подвыл. Только две-три нотки... А Зина взяла и надела мне на голову купальные штаны.

— Ты, — говорит, — не имеешь права после десяти часов выть!..

Но, во-первых, у меня нет часов, и даже кармана для них нет... А во-вторых... настроение от часов не зависит.

Хотел послать Кики открытку с приветом... Но консьержка ревнивая — не передаст.

Чудный и замечательный фокс Микки

В ЗООЛОГИЧЕСКОМ САДУ

У Зининого папы всегда «дела». У людей так уж заведено: за всё нужно платить. За виллу, за зонтик, за мясо, за булки, за ошейник... и даже, говорят, скоро на фоксов двойной налог будет.

А чтоб платить — нужны деньги. Деньги бывают круглые, металлические, с дырочками — это «су». Круглые без дырочек — это франки. И потом разные бумажные. Бумажные почему-то дороже и начинаются с пяти франков. Деньги эти как-то «падают», «поднимаются» — со-

вершено глупая история, но я не человек, и меня это не касается.

Так вот, чтоб иметь деньги, надо делать «дела». Поняли? И Зинин папа поехал на неделю в Париж, взял с собою Зину, а Зина — меня.

И пока её папа «бегал» по делам (он почему-то по делам всегда бегают, никогда не ходит), Зина взяла меня на цепочку, села в такси (почему оно так скверно пахнет?) и поехала в Зоологический сад.

Сад! Совсем не сад, а просто тюрьма для несчастных животных. Подождите минуточку: у меня на спине сидит блоха... поймаю и расскажу всё по порядку.

Когда я был совсем куцым щенком, Зина мне про этот сад рассказывала: «Какой там носорог! И какая под ним грязь! А ты, Микки, не хочешь умыться... Стыдно!»

И всё неправда. Носорога нет. Или подох со скуки, или убежал в город и скрывается в метро, пока его не раздавят...

Но зато видел верблюда. Он похож на нашу консьержку, только губа больше и со всех сторон шерсть. Мало ему горба на спине, так у него даже колени горбатые! Питается колючками и, кажется, уксусом. Я бы ему граммофонных иголок дал! Он, негодяй, когда Зина дала ему булочку, фыркнул, булку слопал и плюнул ей на бант! Был бы ты на свободе, я бы тебе показал...

Белая медведица очень миленькая. Сидит в каменной ванне и вздыхает. Свины какие! Хотя бы её на лёд посадили или на мороженое, ведь ей жарко!

Маленький мальчик бросил ей бисквит. Она вылезла, отряхнулась, вежливо приложила лапку ко лбу и съела. Будет она сыта, как же! И мальчик второй бисквит ей на мелкие кусочки крошил: боялся, видно, чтобы она не

подавилась. Воробьи всё и склевали. Ну за что — за что её держат в тюрьме? У Зины есть старый плюшевый Мишка. Непременно завтра притащу и брошу медведице: пусть будет ей вместо сына...

Обезьян совсем, совсем не жалко! Они страшные морды, и я их вовсе не трогал. Подошёл и только немножко отвернулся вбок: ужасно скверно они пахнут... Кислой резинкой, тухлой килькой и ещё каким-то маринованным поросычьим навозом.

Одна посмотрела на меня и говорит другой: «Смотри, какой собачий урод...»

Я? Гав, идиотка! Я... урод?! А ты-то что же?..

Побегу в Зинин шкафчик, понюхаю валерьяновую пробку. Как у меня колотится сердце!..

Тигр — противный. Большая кошка, и больше ничего. Воображаю, если его пустить в молочную. Целую ванну сливок выпьет, не меньше. А потом съест молочницу и пойдёт в Булонский лес отдыхать.

Лев — славненький... Один совсем старичок. Под кожей складки, лысый и даже хвостом не дрыгает. Зина читала как-то, что лев очень любит, если к нему в клетку посадить собачку. Пять разорвёт, а с шестой подружится. Я думаю, что лучше быть... седьмой — и гулять на свободе.

Есть ещё какие-то зубры. Мохнатый, рогатый, голова копной. Зачем такие водятся? Ни играть с ним, ни носить его на руках нельзя... Вообще на свете много лишнего.

Дикобраз, например. Ну куда он годится? Камин им чистить, что ли? Или кенгуру... На животе у неё портмоне, а в портмоне кенгурёнок. А шкура у неё, кажется, застёгивается на спине, как Зинин лифчик. Ерунда!

Слава богу, что я фокс! Собак в клетки не сажают. Хотя бы некоторых следовало: бульдогов и разных других догов. Очень несимпатичные собаки! И почти дикие. У нас напротив живёт бульдог Цезарь, так он непременно норовит перед нашей дверью сделать пакость. Надо будет ему отомстить. Как?.. Очень просто. У них ведь тоже есть дверь...

Людей в клетках не видал. А уж нашего садовника не мешало бы посадить! С кухаркой — вместе. Написать: «Собачьи враги».

И давать им в день по кочану капусты и по две морковки — больше ни-ни. Почему они меня не кормили? Почему сами крали и яйца, и сливки, и коньяк, а меня за каждую несчастную косточку ногой шпыняли?

Видел змей. Одна, большая и длинная, как пожарная кишка, посмотрела на меня и прошипела: «Этого, пожалуйста, не проглотишь!» Скотина... Так тебе и позволили живых фоксов глотать!

У слона два хвоста — спереди и сзади, и рога во рту... И пусть меня сто раз уверяют, что это «хобот» и «клыки», я говорю: хвост и рога. Зина решила, что если посмотреть на мышь в телескоп, то получится слон. А что такое телескоп, пёс его знает!

Да... Птицы, оказывается, бывают ростом с буфет. Страусы!.. И на хвосте у них такие же перья, как в альбоме у Зининой бабушки на шляпе. Перьев этих теперь больше не носят, молока страусы не дают, значит, надо их просто зажарить, начинить каштанами и съесть! Ты бы, Микки, хотел страусовую лапку погрызть? Что ж, я любопытный...

Поздно. Надо идти спать. А в голове карусель: обезьяньи зады, верблюжьи горбы, слоновые перья и страусовые хоботы...

Пойду ещё понюхаю валерьяновую пробочку. Сердце так и стучит... Как мотоциклет...

Тошнит! Ик... Где кухаркина умывательная чашка?!

Мокс-Фикки

КАК Я ЗАБЛУДИЛСЯ

Карандаш дрожит в моих зубах... Ах, что случилось! В кинематографе это называется «трагедия», а по-моему, ещё хуже.

Мы вернулись из Парижа на пляж, и я немножко одурел. Носился мимо всех кабинок, прыгал через отдыхающих дам, обнюхивал знакомых детей — душечки! — и радостно лаял. К чёрту Зоологический сад, да здравствует собачья свобода!

И вот... допрыгался. Повернул к парку, нырнул в какой-то зелёный переулок, попал в чужой огород — растерзал старую туфлю — оттуда в поле, оттуда на шоссе — и всё погибло! Я заблудился... Сел на камень, задрожал и потерял «присутствие духа». До сих пор я не знал, что такое это «присутствие»...

Обнюхал шоссе: чужие подмётки, пыль, резина и автомобильное масло... Где моя вилла? Домики вдруг стали все одинаковые, дети у калиток, словно мыши, сделались похожи друг на друга. Вылетел к морю — другое море! И небо не то, и берег пустой и шершавый... Старички и дети обдирали со скалы устриц, никто на меня и не взглянул. Ну конечно, идиотские устрицы интереснее бездомного фокса!

Песок летит в глаза. Тростник лопочет какой-то вздор. Ему, дураку, хорошо — прирос к месту, не заблудится...

Слёзы горохом покатались по морде. И ужаснее всего: я голый! Ошейник остался дома, а на ошейнике мой адрес. Любая девчонка (уж я бы устроил!) прочла бы его и отвела меня домой. Ух! Если бы не отлив, я бы, пожалуй, утонул... Примечание: и был бы большой дурак, потому что я всё-таки отыскался.

Перед жёлтым забором у палисадничка прислонился к телеграфному столбу и опустил голову. Я видел на картинке в такой позе заблудившуюся собачку, и поза эта мне очень понравилась.

Что ж, я не ошибся. В калитке показалось розовое пятно. Вышла девочка (они всегда добрее мальчиков) и присела передо мной на дорожке.

— Что с тобой, собачка?

Я всхлипнул и поднял правую лапку. Понятно и без слов.

— Заблудилась? Хочешь ко мне? Может быть, тебя ещё и найдут... Мама у меня добрая, а с папой справимся.

Что делать? Ночевать в лесу... Разве я дикий верблюд? В животе пусто. Я пошёл за девочкой и благодарно лизнул её в коленку. Если она когда-нибудь заблудится, непременно отведу её домой...

— Мама! — запищала она. — Мамочка! Я привела Фифи, она заблудилась. Можно её пока оставить у нас?

О! Почему «Фифи»? Я Микки, Микки! Но я, у которого такие прекрасные мысли, не могу ведь и полслова сказать на их человеческом языке... Пусть. Кто сам себе яму копает, тот в неё и попадает...

Мама надела пенсне (будто и без пенсне не видно, что я заблудился!) и улыбнулась:

— Какая хорошенькая! Дай ей, дружок, молока с булкой. У неё очень порядочный вид... А там посмотрим.

«У неё...» У него, а не у неё! Я же ведь мальчик. Но ужасно хотелось есть, надо было покориться.

Ел я не торопясь, будто одолжение им делал. Вы угощаете? Спасибо, я съем. Но, пожалуйста, не подумайте, что я какой-нибудь голодный бродячий пёс.

Потом пришёл папа. Почему эти папы всюду суют свой нос, не знаю...

— Что это за собака? Что у тебя, Лили, за манера тащить всех зверей к нам на виллу? Может быть, она чахоточная... Пойди, пойди прочь отсюда! Ну!

Я? Чахоточная?

Девочка расхныкалась. Я с достоинством сделал шаг к калитке. Но мама строго посмотрела на папу. Он был дрессированный: фукнул, пожал плечами и пошёл на веранду читать свою газету. Съел?

А я встал перед мамой на задние лапки, сделал три па и перепрыгнул через скамеечку. Гоп! Вперёд, тур вокруг комнаты и назад...

— Мамочка, какой он умница!

Ещё бы. Если бы я был человеком, давно бы уже профессором был.

Новый папа делает вид, что меня не замечает. Я его — тоже... Во сне видел Зину и залаял от радости: она кормила меня с ложечки гоголь-моголем и говорила: «Ты моё сокровище... если ты ещё раз заблудишься, я никогда не выйду замуж».

Лили проснулась — в окне белел рассвет — и свесила голову с кровати.

— Фифи! Ты чего?

Ничего. Страдаю. Кошке всё равно: сегодня Зина, завтра Лили. А я честная, привязчивая собака...

Второй день без Зины. К новой девочке пришёл в гости толстый мальчик-кузен. У собак, слава богу, кузенов нет... Садился на меня верхом, чуть не раздавил. Потом запряг меня в автомобиль — а я упёрся! Собаку? В автомобиль?! Тыкал моими лапами в пианино. Я всё снёс и из вежливости даже не укусил его...

Лилина мама меня оценила и, когда девочка опрокинула тарелку с супом, показала на меня:

— Бери пример с Фифи! Видишь, как она осторожно ест...

Опять Фифи! Когда что-нибудь не нравится, говорят: «фи!» Фи-фи, значит, когда совсем не нравится? Придумают же такое цыплячье имя... Я нашёл под шкапом кубики с буквами и сложил: «Микки». Потянул девочку за юбку: читай! Кажется, ясно. А она ничего не поняла и кричит:

— Мама! Фифи умеет показывать фокусы!

— Хорошо. Дай ему шоколаду.

Ах, когда же, когда же меня найдут? Побежал даже в мэрию. Быть может, Зина заявила туда, что я потерялся. Ничего подобного. На пороге лежала лохматая дворняжка и зарычала:

— Р-рав! Ты куда, бродяга, суёшься?

Я?! Бродяга?! Мужик ты несчастный!..

Счастье твоё, что я так воспитан, что с дворнягами в драку не лезу...

«Гора с плеч свалилась...» Куда она свалилась, не знаю, но, словом... я нашёлся!

Лили вышла со мной на пляж. И вдруг вдали — лиловое с белым платьице, полосатый мяч и светлые кудряшки. Зина!

Как мы целовались, как мы визжали, как мы плакали!
Лили тихонько подошла и спросила:

— Это ваша Фифи?

— Да! Только это не Фифи, а Микки...

— Ах, Микки! Извините, я не знала. Позвольте вам её передать. Она заблудилась, и я её приютила.

А у самой в глазах «трагедия».

Но Зина её утешила. Поблагодарила «очень-очень-очень» и обещала приходить со мной в гости. Они подружатся, уж я это по глазам заметил.

Я, разумеется, послужил перед Лили и передние лапки накрест сложил: Мерси! Очень-очень-очень...

И пошёл, сконфуженный, за Зиной, ни на шаг не отходя от её милых смуглых ножек.

Микки

В ЦИРКЕ

У нашего вокзала появились длинные дома на колёсах. Не то фургоны, не то вагоны. Красные, с зелёными ставеньками, над крышей труба, из трубы дым. На откидной ступеньке одного дома сидел карлик с огромной головой и красными глазами и мрачно курил трубку. А в глубине двора тоже вагоны-дома, но с решётками, и пахло от них густо-прегусто зоологическим садом.

На афишах чудеса... Три льва прыгают через укротительницу, а потом играют с ней в жмурки. Морж жонглирует горячей лампой и бильярдными шарами. Морж — такой неповоротливый дурак... кто бы подумал! Знаменитый пудель Флакс решает задачи на сложение и вычитание... Важность какая... Я и делить и умножать

умею... Однако в знаменитости не лезу. Мисс Каравелла исполнит на неосёдланном жеребце джигу — матросский танец. Негр Буль-Пуль... Стоп! Не надо забегать вперёд, Микки, а то совсем спутаешься — что это за собачья привычка такая!

Зинин папа взял нам ложу: мне и Зине. Ложа — это такая будка, вроде собачьей, но без крыши. Обита красным вонючим коленкором. Стулья складные и жёсткие, потому что цирк походный.

Оркестр ужасный! Я вообще музыки не выношу, особенно граммофона. Но когда один скелет плюёт в флейту, а другой, толстяк, стоямя поставил огромную скрипку и ёрзает по ней какой-то линейкой, а третий лупит палками по барабану, локтями о медные линейки и ногами в большой пузатый бубен, а четвёртая, лиловая курица, разъезжает взад и вперёд по пианино и подпрыгивает... О! «Слуга покорный!», как говорит Зинин холостяк дядя, когда ему предлагают жениться.

Клоуны — просто раскрашенные идиоты. Я думаю, что они напрасно притворяются, будто они нарочно идиоты, наверно, такие и есть. Разве станет умный человек подставлять морду под пощёчину, кататься по грязным опилкам и мешать служителям убирать ковёр? Совсем не смешно. Одно мне понравилось: у того клоуна, у которого сзади было нарисовано на широких штанах солнце, чуб на голове вставал и опускался... Ещё ухо, я понимаю, но чуб! Очень интересный номер!

Жеребец — толстяк, а что он не осёдлан, совсем не важно. У него такая широкая спина, даже с выемкой, что пляши на ней, как на хозяйской постели, сколько хочешь. Прыгал он лениво. Словно вальсирующая ко-

рова... А мисс Каравелла всё косилась трусливо на барьер и делала вид, что она первая наездница в мире. Костюм славненький — вверху ничего, а посередине зелёный и жёлтый бисер. И зачем она так долго ездилла? Жеребец под конец так вспотел, что я расчихался. Неинтересно.

Потом поставили круглую решётку, подкатили к дверям клетку, и вышли львы. Вышли... и зевают. Хорошие дикие звери! Зина немножко испугалась (девчонка!), но ведь я сидел рядом. Чего же бояться? Львы долго не хотели через укротительницу прыгать: уж она их упрашивала, и под шейкой щекотала, и на ухо что-то шептала, и бичом под брюхо толкала. Согласились — и перепрыгнули. А потом завязала им глаза белыми лентами, взяла в руки колокольчик и стала играть с ними в жмурки. Один лев сделал три шага и лёг. Другой понюхал и пошёл за ней... Обман! Я сам видел: у неё в руке был маленький кусочек мяса... Неинтересно!

Выходило ещё голландское семейство эквилибристов. Папа катался на переднем колесе велосипеда (отдельно!), мама на другом колесе (тоже отдельно!), сын скакал верхом на большом мяче, а дочка каталась на широком обруче задом наперёд... Вот это здорово!

Потом летали тарелки, ножи, лампы, зонтики, мальчики и девочки. Ух! Я даже залаял от радости. А под конец всё семейство устроило пирамиду. Внизу папа и мама, на плечах две дочки, у них на плечах мальчик, у него на плечах собачка, у собачки на плечах... котёнок, а у котёнка на плечах... воробей! Трах — и всё рассыпалось, закувыркалось по ковру и убежало за занавеску... Bravo! Бис! Гав-гав-гав!

В антракте было ещё веселей. Антракт — это когда одно кончилось, а другое ещё не началось. И вот взрослые с детьми постарше пошли за занавеску смотреть лошадей и прочих млекопитающих, а самые крошечные дети вылезли из всех лож и углов на арену и устроили свой собственный цирк.

Девочка с зелёным бантом изображала дрессированную лошадь и на четвереньках гарцевала по барьеру: голова набок, а сама всё правой ножкой брыкала. Мальчишки, конечно, были львами и, пожалуй, свирепее настоящих — рычали, плевались, кусались и бросали друг в дружку опилками. Двое даже подрались — один другого шлёпнул — шлёпают же клоунов, — а тот ему сдачи... И оба заревели, совсем уж не по-клоунски... А я носился по всей арене и хватал их всех (шутя, конечно!) за коленки.

Вышел карлик в сиреновом сюртучке с медными пуговицами и зазвонил в колокольчик. Дзинь-дзинь! Долой с арены — представление продолжается! Один из «львов», совсем ещё маленький мальчик, ни за что не хотел уходить. И пришла его мама из ложи, взяла льва на руки, шлёпнула и унесла на место. Вот тебе и лев!

Морж — молодец. Вернусь на нашу виллу и непременно попробую жонглировать горячей лампой. У меня, правда, не такой широкий нос... Ну что ж, возьму маленькую лампочку...

Я побежал за занавеску: оказывается, у моржа в загородке есть цинковая ванна, а после представления ему дают живую рыбу и бутерброд с рыбьим жиром. Здорово!

Да, что я ещё заметил! Под края циркового шатра подлезают бесплатные мальчишки и смотрят на представление... А карлик бегает кругом и хлопает их прутом по пяткам.

Негр Буль-Пуль вроде сумасшедшего. Играл на метле «марш пьяных крокодилов», аккомпанировал себе на собственном животе, а ногами выделял такие штуки, точно у него было четыре пары лап... И пахло от него корицей и жжёной пробкой. Фи!

Потом вышел «факир». Факир — это человек, который сам себя режет, а ему даже приятно, и кровь не идёт. Он себя, должно быть, замораживает перед представлением. Проткнул себе губы вязальной спицей, под мышку вбил гвоздь... Я даже отвернулся. Нервы не выдержали... А самое ужасное: он взял у толстого солдата из публики никелевые часы, проглотил их, только кончик цепочки изо рта болтался, и попросил публику послушать, как у него в груди часы тикают. Ужас! Кожа по морозу подирается!

Кажется, всё. На закуску вылетела на арену крохотная мохнатая лошадка с красной метёлкой над головой и с колокольчиками. Я и не знал, что есть такая порода лошадиных болонок! Она так чудесно прыгала сквозь обруч, становилась на задние лапки и брыкалась, что Зина пришла в восторг. Я тоже.

Удивляюсь, почему Зинин папа не купит ей такую лошадку... Запрягли б мы её в шарабанчик и катались по пляжу. Это тебе не на осле черепашьим шагом топтаться!.. И все бы очень удивлялись, и я бы получал много сахара...

«Кто едет?» — «Микки с Зиной!»

«Чья лошадка?» — «Миккина с Зиной!» Чудесно!

Устал. Больше не могу... Вот сейчас только подпишусь и побегу на пляж играть в цирк. Бум-бум!

Знаменитый укротитель догов и бульдогов, эквилибрист и наездник фокс Микки

ПРОКЛЯТЫЙ ПАРОХОД

У курортной пристани качался белый дом — пароход. Труба, балкончик для капитана, внизу круглые окошечки, чтобы рыбы могли заглядывать в каюты. Спереди нос острый, сзади — тупой... Вода подшлёпывает снизу, верёвка скрипит, из паровой печи — дым.

«Гу-гу!» Фу, как труба противно лает. Все затыкают уши, а я не могу... Зина берёт меня на ручки — я дрожу, доски под нами тоже дрожат — и несёт меня на эту противную штуку. Сзади — папа.

Прогулка! Мало им места на земле... Я хоть плавать умею, а они что будут делать в своих ботинках и чулках, если дом перевернётся?

Люди шли-шли-шли. Чистые костюмчики, из карманов — платочки (зубных щёток в петличках, слава богу, ещё не носят!), и все толкаются, и все извиняются. Пардон! А ты не толкайся, и пардона твоего не нужно, а то все лапы отдавили...

Сели на скамейки по бокам и вверху, и внизу, как воробьи на телеграфных проволоках... Небо качается, улица качается, и наш пол качается. И я совсем потерял центр тяжести, присел на пол и распластался, как лягушка на льду.

Так мучить сухопутного фокса! За что?!

«Гу-гу-гу!» — поехали. Все машут лапами, посылают безвоздушные поцелуи. Подумаешь... На три часа уезжаем, и такое лицемерие. Подкрался к загородке посреди парохода и посмотрел вниз: железные лапы ходят, чмокают и переворачиваются, а главная нога, вся в масле, вокруг себя пляшет... Машина. «Чики-фуки, фуки-чики, пики-Микки, Микки-пики...» Да остановись ты хоть на минутку!

Пока шли проливчиком — ничего. А потом заливчик, а потом... ух! Там море, тут море, небо с водой кругом сошлось, горизонты какие-то со всех сторон появились... Разве так можно? А земля где? За пароходом — белый кипяток, чайки вперегонку за нами летят и кричат, как голодные котята... Столько рыбы в море, целый день обедать можно, чего им ещё надо?

Ну что ж, раз прогулка, нечего под скамейкой пресмыкаться. Пошёл по ногам, ноги вежливо раздвигаются. Пардон, силь ву пле. (Извините, если вам нравится!)

У матросов деревянные башмаки — корабликами, у пассажиров обыкновенные, белые и жёлтые туфли. Практично и симпатично. А у дам что ни ноги, то другой фасон: с бантиками, с пряжечками, с красной решёткой, с зелёными каблукками... Кто им эти фасоны выдумывает?..

Был у капитана на балкончике. Старенький, толстенький, борода, как у рождественского деда, глазки голубенькие. Расставил ноги и забавляется: повернёт колесо с палками в одну сторону, потом в другую, потом в третью, а сам в трубку рычит: «Доброе утро! — пол-доброе утра! четверть доброго утра!» А может быть, я и напутал.

Нашёл кухню. Пол себе качайся, а она своё дело делает. Варит. Повар сунул мне в нос омара... но я на него так посмотрел, что ему стыдно стало, и он высморкался (повар).

А пол всё подымается, волны, как бульдоги, со всех сторон морды в пене, и все на меня кивают. Ай! Подымается, опускается. Смейся! Посади-ка краба на сушу, небось ему тоже будет несладко. Ветер свистит и выворачивает уши наизнанку. Ай!..

У нашего соседа слетела в воду шляпа. «Свежеет!» — успокоил его Зинин папа. Дуреет, а не свежеет... Ба-бах! Ба-ба-бах!

Я прижался к ногам незнакомой старухи, закрыл глаза и тихонько-тихонько визжал: море! Золотое моё море... Ну, перестань, ну, успокойся! Я никогда больше не поеду. Я маленький фокс, ничтожная собачка, за что ты на меня сердишься? Я никогда тебя не трогал, никогда на тебя не лаял (ух, как я врал!)...

Да, так оно тебе и перестанет. И вот я вышел из себя. Вспрыгнул на скамейку, повернулся к морю спиной и наступил лапой на спасательный круг. На всякий случай, если бы пришлось спасти Зину, её папу и капитана. Повар пусть тонет... Злой фокс. Зачем я пишу такие гадости? Спас бы и повара, пёс с ним...

Всё? Нет, не всё! Жадные сухопутные люди не знают уже, что и придумать. Мало им берега, леса, поля, шоссе. Летать им надо! Сели на бензинную этажерку... и полетели. Даже смотреть страшно. Но ведь летают отдельные сумасшедшие, у них, верно, нет родителей, и некому их остановить. А по морю катаются все: дети, мамы, папы, дедушки и даже грудные младенцы. Вот судьба («судьба» — это вроде большой, злой летучей мыши) их и наказывает...

Качались — и докачались. Собаки, говорят, себя нехорошо ведут. Ага! Собаки... Посмотрели бы вы, как ведут себя на пароходе люди в новых костюмчиках, с новыми платочками в карманах, когда начинается качка!

Я закрывал глаза, старался не дышать, нюхал лимонную корочку... Брррр!

Но Зина — молодец. И её папа — молодец. И капитан — молодец... А я... лучше не спрашивайте.

Когда показалась земля, миленькая зелёная земля, твёрдая земля с домиками, собачками, мясными лавками и купальными будками, я завизжал так пронзительно, что перекричал даже пароходный гудок.

Клянусь и даю честное собачье слово, что лапы моей никогда на пароходе больше не будет! Почему меня всюду за собой таскают?.. Завтра Зинин папа затеет прогулку на облаках, так я с ними летать должен?! Пardon! Силь ву пле! (Извините, если вам нравится!)

Ага! Так и знал. Этот невозможный папа подцепил рыбака и заказывает ему на завтрашнюю ночь барку с луной и рыбной ловлей...

На луну я и с берега посмотрю, а рыбу — кушайте сами...

Море сегодня, правда, тихое — знаем мы эту тишину. Но в комнате ещё тише. Пол не качается, потолок не опрокидывается, пена не лезет в окошко, и люди вокруг не зеленеют и не желтеют. Брр!..

Старый морской волк — фокс Микки

ВОЗВРАЩАЮСЬ В ПАРИЖ И СТАВЛЮ БОЛЬШУЮ ТОЧКУ

На веранде стояли чемоданы: свиной кожи, крокодиловой кожи и один маленький... брр!.. кажется, собачьей. В палисаднике жёлтые листья плясали фокс-трот.

Я побежал к океану: прощай!.. — Фи, какой невежливый. С ним прощаются, а он водой в морду...

От полотняных купальных будок одни рёбра остались. Небо цвета грязной собаки. Астры висят головами вниз:

скучают. Прощайте, до свидания! Хоть вы и без запаха, но я вас никогда, никогда не забуду...

Простился с лесом. Он, верно, ничего не понял: зашумел, залопотал... Что ему маленький, живой Микки?

Простился с лавочницей. Она тоже скучная. Сезон кончился, а тухлые кильки так и не распроданы.

Чемоданы всю дорогу толкались и мешали мне думать. Зина серьёзная, как наказанный попугай. Выросла, загорела. В голове уроки, подруги и переводные картинки — на меня ни разу не взглянула...

И не надо! Что это за любовь такая по сезонам? Подружусь вот в Париже с каким-нибудь порядочным фоксом — и «никаких испанцев» (очень я люблю глупые человеческие слова повторять!)...

Приехали. Риехали. Иехали. Ехали. Хали. Али. Ли. И... Это я так нарочно пишу, а то лапа совсем затекла.

Консьержкина собачонка посмотрела на меня с порога и отвернулась. Герцогиня какая! Ладно... Я тоже умею важничать. Вот повезут меня на собачью выставку, получу первую золотую медаль, а ты лопайся от зависти в консьержкиной берлоге.

Совсем отвык от мебели. Тут буфет, там полубуфет, кровати шире парохода, хоть бы лестнички к ним приставили... Гадость какая! А они ещё хотят внизу у мебельщика старую шифоньерку купить! Красного дерева. Пусть хоть лилового, грош ей цена.

Ах, как тесно в квартире! Горизонт перед носом, лес в трёх вазонах, перескочить можно. И попрыгать не с кем. Зина в школе, тропики какие-то изучает. Кухарка сердитая и всё губы мажет. Вот возьму и съем твою помаду, будешь с белыми губами ходить!

На балконе коричневые листики корчатся и шуршат. Воробей один к нам повадился прилетать. Я ему булочку крошил, а он вокруг моего носа прыгает и клюёт. Вчера от скуки мы с ним поболтали.

— Ты где живёшь, птичка?

— А везде.

— Ну, как везде?.. Мама и папа у тебя есть?

— Мама в другом районе, а папа в Сен-Клу улетел...

— Что же ты одна делаешь?

— Прыгаю. Над сквериком летаю, на веточке посижу. Вот ты у меня завёлся, крошками кормишь. Хорошо!

— Не холодно тебе? Ведь осень...

— Чудак, да я ж вся на пуху. Чивик! Воробьи на углу дерутся... Эй-эй, подождите! Я тоже подраться хочу...

Фурх — и улетел. Боже мой, боже мой, почему у меня нет крыльев?..

Дрожу, дрожу, а толку мало. Центральное отопление вчера зашипело, я только спинку погрел, а оно остановилось. Проба была. Через две недели только его заведут на всю зиму. А я что ж, две недели дрожать должен?!

Спать хочется ужасно. Днём сплю, вечером сплю, ночью... тоже сплю.

Зина говорит, что у меня сонная болезнь. Мама говорит, что у меня собачья старость. Музыкальная учительница говорит, что у меня чума... Гав! На одну собаку столько болезней?!

А у меня просто тоска. Очень мне нужна ваша осень и зима в квартире с шифоньерками!

И тетрадка моя кончается. И писать больше не о чем... У-у! Был бы я медведь, пошёл бы в лес, лёг в берлогу, вымазал лапу мёдом и сосал бы её до самой весны...

Сегодня на балкон попал кусочек солнца: я на него улёгся, а оно из-под меня ушло... Ах, боже мой!

Пока не забыл, надо записать вчерашний сон: будто все мы, я и остальное семейство, едем на юг, в Канн. Бог с ним, с зимним Парижем!

И будто Зина с мамой ушли в закусочный вагон завтракать... Папа заснул (он всегда в поезде спит), и так горько мне стало!.. Почему меня не взяли с собой? А из саквояжа будто кто-то противным кошачьим голосом мяукнул: «Потому что собак в вагон-ресторан не пускают. Кошек всюду пускают, а собак, ах, оставьте!»

И я расвирепел, в саквояж зубами вцепился и... проснулся.

Перелистывал свои странички. А вдруг бы их кто-нибудь напечатал?! С моим портретом и ав-то-гра-фом?!..

Попала бы моя книжка в лапки какой-нибудь девочке в зелёном платице... Села бы она у камина с моим сочинением, читала бы, перелистывала бы и улыбалась. И в каждом доме, где только есть маленькие ножки с бантиками и без бантиков, знали бы моё имя: Микки!

Зина спит, часы тикают. Консьержка храпит — о! — я и через пол слышу...

До свидания, тетрадка, до свидания, лето, до свидания, дети — мальчики и девочки, папы и мамы, дедушки и бабушки... Хотел заплакать, а вместо того чихнул.

Ставлю большую, большую точку. Гав! Опять меня блоха укусила!.. В такую трогательную минуту...

Кровопийца собачья!..

Всеобщий детский друг, скромный и сонный фокс Микки

СТОЙКА НА РУКАХ НА УРОКАХ БОТАНИКИ

ЗАПИСКИ ПЯТИКЛАССНИЦЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Самая моя любимая учительница — Софья Андреевна. С пятого класса русский язык и литературу ведёт у нас она. За пятнадцать минут до окончания урока Софья обычно смотрит на часы и говорит:

— Так... А теперь достаём листочки... Пишем краткое сочинение на тему...

Темы всегда разные. Последний раз была такая:

«Самая дорогая вещь у нас в доме».

Я подумала и написала: «Самая дорогая вещь у нас в доме — это пианино. Его ещё мой прадедущка купил...»

Я всё про пианино написала: и какое оно чёрное и блестящее, и как по бокам у него свечи зажигаются, и как моя бабушка на нём польку-мазурку композитора Гурилёва играет... И что моя мама училась на нём играть, и что я учусь... Всё написала.

И мой сосед Мишка Егоров тоже написал. А когда звонок прозвенел, спрашивает:

— Ир, а как по-русски «Ниссан» пишется? С одним «с» или с двумя?

На следующий день Софья Андреевна обмахнулась стопкой наших листочков, как веером, и говорит:

— А ведь я совсем не того от вас ждала. Я хотела, чтобы каждый рассказал о том, что его душе и его сердцу

дорого... Не о «десятке» и не о «Вольво»... Хотя вот эти два сочинения обращают на себя внимание.

И Софья Андреевна прочитала моё сочинение о пианино, а потом ещё одно:

— «Моему папе подарили ручку. Она сверкает, как будто алмазная...» А что, бывают такие ручки? — спросила Софья Андреевна. — *Какбудто* алмазные...

Она подошла к доске и написала с одной стороны КАК, с другой стороны БУДТО. А между ними нарисовала большого слона.

— Если вы в следующий раз забудете, как пишется КАК БУДТО, — сказала Софья Андреевна, — скажите себе: «КАК СЛОН БУДТО» — и вы обязательно напишете КАК и БУДТО отдельно...

В конце урока она, как всегда, велела нам достать листочки, стёрла с доски рисунок и написала новую тему сочинения:

«О чём я хочу рассказать».

— Не успеете здесь — закончите дома, — разрешила нам Софья.

Я задумалась и ничего не написала... Да я столько всего хочу рассказать! Столько, что я даже не знаю, с чего начать...

Когда я была маленькая...

ВОСПОМИНАНИЯ, ИЛИ ЖИЗНЬ ДО ШКОЛЫ

РАЗОЧАРОВАНИЕ

В три с половиной года я разочаровалась во взрослых. Я попросила маму:

— Нарисуй мне кошку.

Мама нарисовала, совсем не так красиво, как рисуют в книжках. Тогда я попросила маму нарисовать птичку. Но и птичка получилась у мамы не лучше.

Я попросила маму постараться и нарисовать хорошо, ведь она ВЗРОСЛАЯ! А мама ответила, что рисунки в книжках рисуют художники, а обычные взрослые так рисовать не могут.

До трёх с половиной лет я была уверена, что взрослые могут всё.

МОЙ ПАПА

У моего папы зелёные глаза. И чёрные волосы. И усы подковкой. Когда я была маленькая, я его рисовала. А рядом с папой я рисовала ёлочку, потому что её легко рисовать, а ещё потому, что мой папа любит хвойные: туи, лиственницы и кедры. И все другие деревья папа любит тоже. Он очень сердится, когда говорит, что в Москве строительство и многие деревья срубили и продолжают рубить.

Если бы не папа, я бы не знала, что в городе кроме воробьёв, ворон и голубей водятся синички, которые любят сало, и ещё снегири, и щеглы.

А ещё мой папа смешной. Особенно когда с гантелями занимается и гири поднимает. Если папа замечает, что я за ним подглядываю, он осторожно ставит гирю на пол и сгибает руку в локте, чтобы показать мне, какие у него мускулы. Папа смешно надувает щёки...

И даже фамилия у меня от папы смешная: Шмелик.

МОЙ ДРУГ БУРАТИНО

В детстве у меня был друг — пластмассовый Буратино. Я повсюду его за собой таскала и за стол с собой рядом сажала.

Однажды папа спросил, какой подарок я бы хотела получить на день рождения. И я ответила, что живую обезьянку. Из зоопарка.

Папа сказал:

— У тебя же есть друг — Буратино.

И тогда я бросила Буратино на пол.

Я рассказать не могу, как рассердился папа.

«А МЕНЯ — КРОКОДИЛ»

После лета я пришла в детский сад и увидела новенького мальчика. С пластырем на щеке.

— Больно было? — спросила я его.

Он понял и ответил:

— Меня пчела укусила... Очень больно.

И тогда Ленка Ершова сказала:

— А меня собака укусила. За руку. Когда я к её миске подошла...

А Димка сказал:

— А меня в прошлом году — змея... Ужас!

И тогда я сказала:

— А меня — крокодил. — А потом добавила, чтобы на правду похоже было: — Когда я его огурцом кормила.

И все замолчали.

ПОЛЕТЕЛИ-ПОЛЕТЕЛИ!

Мы в детском саду играли с Наташкой в дочки-матери. Я была дочкой, а Наташка — мамой.

Игорь глядел-глядел на нас и вдруг говорит:

— Давайте я вашим папой буду. Хотите, в Турцию вас отвезу? На самолёте. Только вы сначала вещи свои соберите.

Тогда Наташка принесла из раздевалки большой платок и стала в него игрушечную посуду увязывать. А я взяла на руки плюшевую собаку Тимку, потому что испугалась, что иначе Тимку в самолёт не пустят. А потом Ленка Ершова нарисовала нам красивые билеты. Потом мы сели в самолётные кресла, каждый в своё, а Игорь взял в руки руль от машины и стал его крутить, надув щёки. Игорь загудел: «У-у-у!» И мы... полетели-полетели!

Было здорово, но пришла нянечка с кастрюлями, которые пахли капустой, и нам пришлось сдвинуть самолётные кресла в сторону.

После тихого часа Игорь сказал:

— Мы ж ещё не прилетели, давайте снова играть.

Мы попробовали, но... это было уже не то. И тогда Наташка-мама посмотрела в окно и сказала:

— Нелётная погода. Туман.

«...НЕ ЗАЙЧИКОМ!»

Когда моя старшая сестра Женечка ходила в детский сад, её там очень любили. Однажды маме с папой позвонила заведующая детским садом и сказала:

— Вы всё-таки уговорите свою Женю. Почему она не хочет на новогоднем утреннике быть зайчиком? Мы все очень просим её быть зайчиком.

А Женя, как услышала, сразу кричать и плакать начала:

— Не буду зайчиком! Буду снежинкой!

— Ладно, — сказала мама, — если хочешь быть снежинкой, я сошью тебе белую юбочку и шапочку с кружевами.

На новогодний утренник пришло много народу. И все долго хлопали, чтобы утренник начался. И занавес открылся, и мы увидели зайчика. Зайчик сидел на пенёчке и принимал от всего леса подарки, а после пел песенку о зиме. А вокруг зайчика кружилось много снежинок, и одной из них была наша Женечка.

— И от этой роли Женя отказалась? — удивилась мама, когда увидела зайчика.

А папа ей ответил:

— Ты посмотри, как счастлива наша девочка!

ДЮДЮКА

Дюдюка — это старый-престарый пень в парке. Со смешным сучком-носом. Но Дюдюкой этот пень стал не сразу, а когда кто-то подрисовал ему оранжевые глаза и рот.

Мы с мамой гуляли в парке, и я обязательно трогала Дюдюку за нос, и не я одна, поэтому нос у него был блестящий-блестящий.

Однажды осенью мы пришли в парк, а Дюдюки нет. И дворник, который подметал листья, сказал, что Дюдюку сожгли.

Я потом весь день плакала. И мама сказала, что дворник ошибся, дворник не знал, что ночью, пока все спали, к Дюдюке приехал её друг — жираф — и увёз её далеко-далеко, в Африку, где всегда лето.

УРОК ОТ ФЕИ

Мы с папой ходили в Музей минералов. Я очень любила ходить в музеи с папой, потому что он всегда покупал там что-нибудь. В Музее минералов продавались камушки и открытки. Папа купил мне красный камень. Я положила его в карман и попросила купить ещё один, с белыми полосками. Папа купил и с белыми полосками. А мне захотелось ещё и голубой.

Папа ответил:

— В другой раз, Ирочка.

А я сказала ему:

— Ну хоть открытку купи.

А он опять ответил:

— В другой раз, Ирочка.

А рядом стояла старушка, очень похожая на фею. Крошечного роста, в высокой шляпе и с палочкой.

Она постучала палочкой по красивому мраморному полу и сказала:

— Ирочка, научись говорить себе «хватит».

Я ТУФЛИ ВАШИ ПОМНЮ

Недавно мы с моей подружкой Наташкой пошли забирать из детского сада её брата Павлика. Я пять лет не была в детском саду, с тех пор, как в школу поступила. Пока Павлик одевался, я поднялась по лестнице в свою бывшую группу и заглянула в свою бывшую раздевалку. И ко мне вышла нянечка.

— Как же ты выросла, Ирочка! — сказала она. — И всё такая же хорошенькая... А кефир ты теперь пьёшь? А сестричка твоя хорошо учится?

Я всегда молчу, когда мне сразу столько вопросов задают.

А нянечка вдруг спросила:

— А меня как зовут, ты помнишь?

Мне стыдно стало, и я опустила глаза... И увидела её туфли с красными пряжками. Те же самые. И я сказала:

— Я туфли ваши помню.

ЖИЗНЬ В ШКОЛЕ

ДЕТСКИЕ ОБИДЫ

Вчера папа назвал меня «дылдой».

Если бы он просто сказал мне, что я уже взрослая... Я бы ни капельки не обиделась. Но само это: ДЫЛ-ДА... ДЫЛ-ДА... Противное слово!

А сказал его папа в гостях у Ивановых, потому что перед тем, как к ним идти, папа купил их маленькому Пете компьютерную игру «ЦЕЗАРЬ-III». Я стала объяснять Пете, как в неё играть и как на пустом месте возводить город, чтобы для жителей там было всё: и дороги, и дома, и больницы, и даже театр. А потом я так увлеклась игрой, что и разговаривать с Петькой перестала. Да и когда мне было, если в городе начался пожар?.. Вот я и не обратила внимания, что Петя уже давно не стоит у меня за спиной, а ходит по дому и хнычет.

И тут пришёл мой папа и привёл Петьку и потребовал, чтобы я немедленно встала и дала поиграть ребёнку. И это слово нехорошее сказал: «ДЫЛ-ДА».

Я встала, оделась и ушла из гостей. И пока я домой шла, я многие свои обиды вспомнила. И то, что мама отказалась купить мне прикольную футболку с надписью: SADIST, и то, что мне несправедливо двойку по географии поставили — за то, что я не ту страницу учебника дома прочитала... Я вспомнила даже, что бабушка, когда вязала мне в детстве свитер, связала его не с зайчиком, как я просила, а просто — с орнаментом, потому что схемы вязания зайчика не нашла...

И чем больше я вспоминала, тем хуже мне становилось. И даже ноги мои домой не шли. Поэтому я долго по улицам бродила...

— Ну не дуйся. Ведь ты не права, — сказал мне дома папа. — Это детство в тебе проснулось. Наверное, оттого, что мы с тобой давно на небо не смотрели. — И папа снял со стены морской бинокль.

Мы вышли на балкон. Небо оказалось ясным, без облачка. Луна была полная-полная. И такая ослепительная!

Мы посмотрели на Луну в бинокль, и я увидела, какая же она на самом деле... непростая! И что глубокие ямы на ней, а вокруг этих ям — горы. Ну кто бы мог такое о Луне подумать, глядя на Луну без бинокля!

Мы долго стояли на балконе, не могли надышаться космическим воздухом. И я радовалась, что всё это на свете есть: и эта неожиданная Луна, и ковш Большой Медведицы, и яркая Венера, о которой так интересно рассказывает мне папа...

И вдруг я на одну секундочку вспомнила, как нехорошо получилось в гостях... И почувствовала, что мои обиды — детские.

«ЯЩИК ПОЧЕМУЧКИ»

Один из самых больших праздников в нашей школе — это родительское собрание.

Правда, если говорить о других праздниках, таких как Новый год или День святого Валентина, то все мы с нетерпением ждём, когда они начнутся. А если о родительском собрании, то все мы ждём не дождёмся, когда оно кончится.

Чем дольше длится собрание, тем больше наших собирается у школьного крыльца, тем интереснее кажется нам то, что происходит сейчас там, за малиновыми занавесками на третьем этаже. А небо всё темнеет и темнеет. И почему-то всегда в день родительского собрания на нём высыпают звёзды.

Но вот с крыльца, как с трапа причалившего корабля, сходят наконец наши мамы... Разгорячённые, взволнованные.

Тут надо сказать, что мамы, конечно, у всех разные. Моя ни за что не признается, какой базар был на родительском собрании. Но некоторые не выдерживают, делятся с детьми впечатлениями. Так что слухи всё же просачиваются: что говорят разные учителя и о ком.

Например, о Вале Сапетиной: «Девочка старательная. Пашет и пашет! И вы ещё увидите, какой урожай соберёт она со своего поля».

Или о Ване Репкине: «Все его четвёрки только благодаря его обаянию. Уж такой он улыбочивый! Прямо Колобок из сказки! Однако не радуйтесь, мама, на каждого Колобка своя Лиса найдётся...»

А на последнем собрании всем родителям велели идти в актовый зал. И завуч сказала им то, что постоянно

твердит и нам: что у нас нет никакого интереса к учёбе, никакого взгляда в будущее, а только телевизор, компьютер и тридцать три других удовольствия. А ещё она попросила наших родителей вспомнить, когда мы в последний раз задавали им серьезные вопросы.

В общем, после того как собрание кончилось, папа отличника Карасёва сказал нашей Тамаре Семёновне, что хорошо бы повесить в нашем классе «Ящик Почемучки».

Через несколько дней дедушка Тани Петровой — он и мебель в классе ремонтирует, и коньки Тани точит — принёс в школу деревянный ящик, похожий на почтовый, только большой и совершенно новый. Ящик вкусно пах ёлочкой.

— Завтра классный час, — напомнила Тамара Семёновна. — Времени у вас не так много, поэтому прямо сейчас пишите свои вопросы и опускайте их вот сюда. Можно инкогнито. — И она призывно похлопала по ящику рукой.

— А что такое «инкогнито»? — спросила Валя Сапетина.

— Это значит, что вы пишете серьёзно, ответственно, но имени своего в конце не называете, чтобы никто не знал, от кого вопрос.

Вот тут нам стало по-настоящему интересно. Мой сосед Егоров вырвал листок из тетрадки и начал торопливо строчить что-то, прикрывая написанное ладошкой. Я обернулась к Вале, чтобы спросить, нет ли у неё лишнего листочка. Она сердито шикнула на меня, будто я подглядеть за ней хочу.

Каждый писал свой вопрос втайне от других. Инкогнито так инкогнито.

Весь следующий день мы сидели в школе как на иголках. Только прозвенел звонок с последнего урока, мы рванули на третий этаж.

Тамара Семёновна уже ждала нас. Она удивилась, как быстро все расселись по местам, сказала, что мы молодцы, и тут же начала классный час: сняла со стены «Ящик Почемучки», отперла его и, как фокусник, запустила в него руку...

— «Почему у Тани Петровой коса толще, чем у Тани Рощиной?» — зачитала она вслух первую записку.

— «Почему рыба так плохо пахнет (особенно жареная)?»

— «Как сняться в рекламном ролике?»

— «Куда делают уколы черепахе?»

Тамара Семёновна пробежала глазами несколько следующих записок... Некоторые с непроницаемым видом порвала.

— И это всё? — с недоумением спросила она.

— Нет, не всё! — с пятой парты ответил ей троечник Антонов. — Я хочу спросить: «Когда Тамара Семёновна отпустит нас домой?»

Ответ учительницы потонул в общем хохоте. Несколько минут она стояла у доски с поднятой рукой, призывая нас успокоиться, потом перевернула ящик. Из него выпала ещё одна, свёрнутая в трубочку записка. Класс притих. Тамара Семёновна раскатала её и нахмурилась...

— «Почему Земля вертится?» — делая ударение на каждом слове, прочитала она.

Антонов даже присвистнул. Все посмотрели на отличника Карасёва.

— Это не я! Честное слово! — отчаянно выкрикнул Карасёв.

— А кто? — спросила Тамара Семёновна, обегая глазами класс.

Я неохотно подняла руку.

— Ну... видишь ли, — замялась Тамара Семёновна, — вращение Земли — это сложный вопрос. В старших классах вы будете изучать физику, а потом астрономию. Тогда узнаете и это...

Она сгребла записочки в кучу и бросила обратно в ящик. Потом неожиданно весело поглядела на нас и сказала:

— Да-а... Не получилось у нас ни с вопросами, ни с ответами. Извините, дети!.. А «Ящик Почемучки» пусть висит. С ним в классе намного красивее стало! — И она повесила ящик обратно на стенку.

Я шла домой и думала: «А что говорят на родительских собраниях обо мне? Съест ли меня Лиса? Какой урожай соберу я со своего поля?» На эти вопросы моя мама никогда прямо не отвечает...

СТОЙКА НА РУКАХ НА УРОКАХ БОТАНИКИ

Целых полгода у нас в школе не было учителя ботаники.

Нет, поначалу дали нам одну девочку, Лилию Львовну. Она только-только пединститут окончила. Что она на уроках объясняла, не слышал никто: нам её ботаника нисколько перекрикиваться не мешала.

И получали мы по ботанике одни пятёрки, потому что Лилия Львовна нас боялась. Однажды, когда троечник Антонов во время урока сделал стойку на руках, Лилия Львовна закрыла глаза и выбежала из класса.

С этого дня на каждом уроке ботаники, помимо Лилии Львовны, в классе стали присутствовать то завуч, то наш

классный руководитель Тамара Семёновна... А то и охранник школы, бывший спецназовец.

На родительское собрание по итогам первого триместра Лилия Львовна не пошла, хотя нам было очень интересно, что она там о нас расскажет. Но Лилия Львовна объяснила завучу, что идти на родительское собрание ей запретили её собственные мама и папа. И тогда завуч разрешила Лилии Львовне уйти из школы и подыскала нам другую учительницу.

То, что Марья Петровна не Лилия Львовна, мы поняли сразу, как только её увидели. Она была крепенькая, как репка, и уверенная в себе. Когда троечник Антонов попытался во время урока сделать стойку на руках, Марья Петровна, ни слова не говоря, подошла к нему, взяла за шкуру и, как котёнка, выбросила за дверь. И мы крепко её зауважали!

Однажды мы заметили, что Марью Петровну у ворот школы поджидает какой-то парень на мотоцикле. И вскоре Марья Петровна от нас ушла. Недавно мы встретили её в парке, с коляской, в которой сидели два малыша, похожих, как две репки на грядке. И мы поприветствовали свою бывшую учительницу хором, точно на параде:

— Здравствуй, Марья Петровна! — а её малыши радостно нам заулыбались.

В общем, после того как Марья Петровна ушла, уроков ботаники у нас несколько месяцев вообще не было. И наших родителей это так возмутило, что они даже директору школы пожаловались. И тогда во время классного часа Тамара Семёновна объявила, что ботанику у нас будет вести учительница, которая ушла на заслуженный отдых двенадцать лет тому назад. И что зовут её Елизавета Константиновна.

Целый час Тамара Семёновна втолковывала нам, что мы должны быть счастливы тем, что нам выпало учиться у самой Елизаветы Константиновны, и что Елизавета Константиновна очень увлекательно рассказывает, и что мы многому можем у неё научиться, а потому мы должны вести себя как люди и не шуметь на её уроках.

Когда Елизавета Константиновна пришла в школу, мне поначалу ужасно жалко её стало. Я увидела, что она старше моей бабушки и что голова у неё слегка покачивается из стороны в сторону, как будто Елизавета Константиновна всё время в чём-то сомневается.

Елизавета Константиновна качала головой и тогда, когда читала наши фамилии по списку. И начала она, понятно, с Антонова. И Антонов не удержался и сделал стойку на руках на своей пятой парте.

Елизавета Константиновна перестала качать головой, внимательно посмотрела на Антонова и сказала, что с этой минуты ученика с такой фамилией — Антонов — у неё нет! И что Антонову придётся искать себе другую учительницу.

Мы даже опешили... Как же это?.. Ведь Елизавета Константиновна — единственный учитель ботаники во всей школе! Кто же поставит Антонову оценку за год?

И тогда мы, девочки, стали Елизавету Константиновну упрашивать, чтобы она простила Антонова. А Елизавета Константиновна посмотрела на нас и говорит:

— Я не для того в школу вернулась, чтобы время на пустые разговоры тратить.

И Антонов вышел из класса, а мы замолчали.

В начале следующего урока Антонов подошёл к Елизавете Константиновне и тихо сказал ей что-то. А она

только головой, как всегда, покачала и рукой ему на его пятую парту показала.

Теперь на уроках ботаники, когда Елизавета Константиновна рассказывает нам о растениях-хищниках или о бамбуковых плантациях, тишина в классе стоит такая, что слышен шелест листьев за окном. Таким интересным предметом оказалась ботаника!

ИНТУИЦИЯ

Когда на уроке математики Татьяна Алексеевна пристально смотрит на нас, а потом спрашивает:

— Ну и что здесь получится в ответе? Неужели не видите, а? — я могу ответить, даже если я не вижу.

Конечно, в ответе получится ноль. Почему, объяснить не могу, но ноль, я уверена. А когда кто-то в чём-то уверен, а почему уверен, он объяснить не может, это и есть интуиция. Так сказала мне моя старшая сестра Женя.

Я никогда не буду отличницей. Я неправильно ставлю запятые, я не умею красиво раскрашивать контурную карту, я не могу запомнить, в каком году было Ледовое побоище. И вообще, я стесняюсь делать подскоки на месте, когда у нас физкультура.

Но интуиция у меня есть!

Недавно на контрольной мы решали задачу о том, как цена на нефть сначала поднялась на один процент, а потом на один процент упала... Половина нашего класса написала, что цена в итоге осталась такой же, как и была.

Конечно, если бы меня спросили об этом не на контрольной, я бы, не задумываясь, ответила так же. Но... разве дала бы нам Татьяна Алексеевна такую лёгкую

задачу? Да ещё с лишним условием о том, сколько эта нефть стоила вначале? Моя интуиция сработала сразу, и я задумалась... И решила задачу правильно.

Неужели у половины класса нет интуиции?..

У меня не выходит пятёрки по математике, потому что я невнимательна и делаю ошибки, когда перемножаю трёхзначные числа столбиком, а ещё я неаккуратно рисую графики. У меня по математике четвёрка. Поэтому моя мама очень удивилась, когда на родительском собрании Татьяна Алексеевна сказала ей, что воображение и смекалка у меня есть, а значит, и математические способности отыщутся.

Моя мама — сама математик. Она пришла с родительского собрания, пристально поглядела на меня и спросила:

— Чему равна вероятность невозможного события?

И я сразу ответила:

— Нулю.

И мама радостно закричала:

— Умница!

УРОКИ ОБЖ

Наша учительница по ОБЖ заболела. И вместо неё к нам на урок пришла Светлана Анатольевна. Мы её до этого только в коридоре видели, она всегда с палочкой ходит, хромает. И ведёт она у старших классов химию.

— Что вы проходили на прошлом уроке? — спросила Светлана Анатольевна. — Было ли домашнее задание? — И Светлана Анатольевна Вале Сапетиной кивнула, потому что Валя сразу руку подняла.

— Мы проходили сердце, — сказала Валя. — Что сердце — важнейший орган человеческого тела. А на дом нам задали слепить сердце по картинке.

И мы стали доставать из своих портфелей и рюкзаков сердца, которые мы слепили из пластилина.

Каждый достал своё сердце и положил на парту. Светлана Анатольевна на стул присела и палочку отставила. Потом попросила у нас учебник и долго его листала.

А потом вдруг спрашивает:

— Хотите узнать, почему я хоть и не старая, а с палочкой хожу?

Мы даже удивились. Ещё бы, кому не интересно такое? Хотя мы сами о таком её и не спросили бы. Не положено о таком спрашивать.

— Случилось это, когда моему сынишке было три с половиной года, — начала Светлана Анатольевна. — Зимой мы с ним отдыхали в санатории, в Дубках, и было там необыкновенно красиво. Бывшая барская усадьба, к которой вела дубовая аллея, и заснеженный лес. А за лесом овраг. И однажды мы с моим Серёжкой с санками до этого оврага дошли. И Серёжка стал просить меня покатать его с горки.

Я поначалу отказывалась: уж больно крутая горка, а потом села на санки и посадила Серёжку к себе на колени. Так делать, как мне потом сказали, было нельзя. Потому что санками, держа на коленях ребёнка, я управлять не могла... И вот поехали мы с горки не туда и... в дерево въехали.

Серёже ничего, он только испугался, а я на снегу оказалась. Подняться не могу. Да что там подняться — пошевелиться трудно. А время в санатории было обеденное, и вокруг никого, ни души. Только мы с Серёжкой —

в глубине оврага. А зима морозная. И темнеть скоро начнёт. В общем, понимаю: замёрзнем мы оба, потому что Серёжа один по горке не поднимется и дороги в лесу не найдёт. И так мне обидно стало! И страшно — сказать нельзя.

И вдруг вижу: вдалеке наверху лыжник идёт, палками размахивает.

Я Серёжу прошу:

— Покричи дяде...

А Серёжа несколько шагов сделал и говорит тихо:

— Дядя... Дядя...

Даже я едва услышала.

Тут кто-то из девочек в классе всхлипнул.

— Но всё же тот парень нас заметил, — сказала Светлана Анатольевна. — И к нам в овраг с горы съехал. «Случилось что?» — спрашивает. А потом лыжи снял, бросил на них куртку свою камуфляжную. В общем, соорудил что-то наподобие салазок и за лыжные палки меня на этих салазочках из оврага вытянул и до дороги дотащил...

И попала я в больницу, а там мне операцию сделали. И вот хожу я, хоть и хромаю. И каждому дню радуюсь, потому что понимаю, насколько жизнь непредсказуемая и хрупкая.

— А Серёжка? — спросил кто-то из ребят.

— Школу окончил, работает, — ответила Светлана Анатольевна.

— А тот лыжник?

— Ни разу его больше не видела, — сказала Светлана Анатольевна. — Я и лицо его плохо помню. Только куртку.

— Так тот парень, наверно, десантником был, — сказал Ванька Репкин. — А окажись на его месте другой?

— Не знаю, — ответила Светлана Анатольевна. — Когда я на снегу лежала, у меня только одна мысль в голове стучала: чтобы кто-то нас заметил. Чтобы не подумал, будто это я с сынишкой играю. Чтобы подошёл.

И в классе сразу стало шумно. Мальчишки закричали-заспорили, как бы они в подобной ситуации поступили. Попытались бы вытянуть Светлану Анатольевну? Или за помощью пошли — с Серёжкой или без.

А я вспомнила, как мы недавно с моей подружкой Наташкой в метро встречались. Я, когда по лестнице спускалась, заметила, что сбоку, прислонившись к стене, сидит какой-то старик с белой бородой, похожий на волшебника, только в ветровке и с рюкзаком за спиной. И в глазах у него как будто слёзы. А взрослые идут и идут мимо. А раз они... то и я мимо прошла.

Я тогда минут пять Наташку ждала, и вдруг с лестницы сбежала какая-то девушка и закричала дежурной по станции: «Врача вызывайте! Человеку плохо!»

Я смотрела на Светлану Анатольевну и думала: «Мимо того старика пятьсот человек прошло, и никто не задумался, отчего он плачет, никто не оглянулся... А ей и её Серёжке повезло — с одним-единственным парнем в камуфляжной куртке. А могло и не повезти».

И у меня сжалось сердце.

У НАС ИНТЕЛЛИГЕНТНАЯ БАБУШКА

— У вас интеллигентная бабушка, — говорит нам с Женей мама, когда мы смотрим по телевизору не ту передачу, держим не так вилку или заводим разговор о

том, что скоро проткнём себе губу или нос. «У вас интеллигентная бабушка», — говорит в таких случаях мама.

И эти слова нас бесят, хотя тут и спорить нечего: у нас интеллигентная бабушка.

И всё в её комнате такое... И фиалки на окне, и старинный дубовый шкаф, и ножная швейная машинка, и большой стол ещё позапрошлого века, и шёлковая скатерть с бахромой, которую мы с Женей давно заплели в косички. И красивый ковёр над кроватью, где пастушок и пастушка и горы вдалеке.

А ещё у бабушки на стене висят наши рисунки, которые мы когда-то ей дарили. И тарелка с её фотографией в юности.

— Ваша бабушка имела необыкновенный успех, — говорит нам её лучшая подруга, Инна Константиновна.

— Вы по-настоящему красивая, — сказала бабушке какая-то женщина, когда мы на электричке возвращались с дачи.

Ей понравилась бабушкина сирень, и бабушка протянула ей большую сиреневую ветку.

Но сама бабушка всегда обращает разговоры о своей красоте в шутку.

— У меня римский нос, — говорит она нам с Женей и поворачивается так, чтобы мы разглядели его лучше.

Даже наши собака и кот понимают, что гоняться друг за другом в бабушкиной комнате некрасиво, не то что в нашей. Они, как два голубка, сидят рядышком на бабушкином подоконнике и смотрят в окошко.

— Не может быть! — сказала наш врач Ольга Михайловна, когда это увидела. И добавила: — Какой у вас интеллигентный кот!

А мы с Женей ответили:
— Это он в бабушку!

КГБ

КГБ — это не то, о чём вы, наверное, подумали. КГБ — это Кабинет Глафиры Борисовны. Глафира Борисовна — это наша учительница по немецкому, а её кабинет — это комнатка на первом этаже, где нам раньше зубы лечили. Теперь там всё по-другому. Вместо зубоврачебного кресла несколько парт и доска. Парт не очень много, потому что кабинет маленький, а ещё потому, что учит Глафира Борисовна только половину класса. Меньшую половину, потому что большая учит английский.

КГБ — так мы называли сначала кабинет Глафиры Борисовны, а потом и саму Глафиру Борисовну стали так звать. За глаза, разумеется.

КГБ любит рассказывать нам о том, как она встречает на улице своих бывших учеников-троечников. Любой троечник, перейдя в другую школу, к другой учительнице, или поступив в институт, сразу начинает получать по немецкому одни пятёрки. И это чистая правда. КГБ даёт хорошие знания.

— Может быть, переводчиками вы и не станете, но работать я вас научу, — говорит нам КГБ.

За сорок минут урока она успевает всё, и даже проверить у каждого домашнее задание. Поэтому все мы, садясь за уроки, первым делом учим немецкий, а уж потом принимаемся за математику, насколько сил останется. Даже если мы болеем, о немецком мы не забываем.

— Ты чем болела, ОРЗ? — спросила меня недавно КГБ. — Прекрасно. Значит, у тебя было время учебник почитать... — и сразу вызвала к доске.

Мы боимся КГБ, и она это знает. Даже у отличника Карасёва голос дрожит, когда он ей отвечает. И дело не в том, что Глафира Борисовна кричит на нас. Она как раз никогда не кричит. Просто есть в ней что-то такое... Отчего мурашки по спине и сердце в пятки.

Немецкий язык в нашей семье знает только бабушка. Конечно, она учила его давно, пятьдесят лет тому назад. Но бабушка старается, переводит тексты со словарём и даже тетрадочку завела, куда записывает новые слова и выражения. Мы с ней готовимся к каждому уроку. Бабушка очень расстраивается, когда у меня в году опять выходит «три». Она даже ходила к КГБ, просила её подтянуть меня по немецкому. Это бабушка зря, конечно, сделала. КГБ никому не даёт частных уроков.

— Мне нужен для работы класс, — говорит КГБ и делает величественный жест рукой — слева направо.

— Интересная дама эта ваша Глафира Борисовна, — сказала, возвратившись из школы, бабушка. — И преподаватель замечательный... Вам с ней повезло, но... Ей бы не классом — ей бы полком командовать!

Мы занимаемся и занимаемся с бабушкой немецким, а до четвёрки не дотягиваемся. И не дотянемся. Но когда-нибудь я отомщу КГБ.

Когда-нибудь я перейду в другую школу и в первый же день поражу новую учительницу, рассказав на чистом немецком языке, какая у меня любимая книга и какие животные водятся в Африке. Я стану круглой отличницей по немецкому, и меня пошлют на городскую олимпиаду, где уже многие годы побеждают только ученики

нашей КГБ. А потом я случайно встречу её на улице...

— Ну, какая отметка у тебя сейчас по немецкому? — спросит меня Глафира Борисовна.

И я, глядя ей прямо в глаза, отвечу:

— Тройка.

МОЯ СЕСТРА ЖЕНЕЧКА

Моя старшая сестра Женечка научилась читать в три с половиной года. Так прямо и читала, что на пакете с молоком написано: «МОЛОКО».

С каждым годом Женечка читала всё быстрее и быстрее, а когда в школу записываться пошла, прочитала директору школы рассказ с такой скоростью, что директор удивился и поставил против фамилии Шмелик в длинном списке детей три восклицательных знака —!!!

Ни один ребёнок в Женечкином классе не мог за Женечкой угнаться, когда она по книжке читала. И все в классе Женечку уважали. И ей это так понравилось, что она теперь всё старается делать лучше всех. Или не так, как все. И у неё это здорово получается!

Когда мы перешли в пятый класс, нам дали много новых учителей, и каждый, видя в журнале мою фамилию, просил меня встать или поднять руку... И каждый вспоминал Женечку.

Недавно наш историк, Пётр Николаевич, перед уроком сказал мне:

— У тебя такая сестра!.. Отчего же ты глухая троечница?

И я ему ответила, стараясь, чтобы голос мой не дрожал:

— У меня по литературе пятёрка и по пению. И четвёрки — по русскому, математике и физкультуре.

А он сказал:

— Ну, это случайно.

Когда начался урок, я подняла руку и спросила:

— Пётр Николаевич, как слово «шмелик» пишется, с маленькой буквы или с большой? У меня четвёрка по русскому, но этого я не знаю.

Все в классе засмеялись, а Пётр Николаевич сделался красным как рак и сказал, что у меня «норов». А что такое «норов», мне потом Женечка объяснила.

СТЕНКА НА СТЕНКУ

Всё началось с того, что моя старшая сестра Женя вынесла из нашей комнаты диван. Как? А очень просто. Позвала меня, и мы вдвоём... В общем, вынесли диван.

Мама домой пришла, к нам в комнату заглянула, а дивана нет.

— Ой, — говорит мама, — а диван где?

— Мы его вынесли, — говорю я.

— Куда? — спрашивает мама.

А Женя, сидя по-турецки на полу, ей отзывается:

— А у меня есть знакомые, которым он нужен.

— А сама на чём спать будешь? — спрашивает мама.

— На полу. На туристическом коврике, — отвечает Женя.

— А что тебя ещё в нашем доме не устраивает? — завелась мама: всё-таки у мамы нервы.

— Раз уж ты спрашиваешь, — спокойно говорит Женя, — я хочу предупредить вас с папой, что люстру в нашей комнате я скоро тоже сниму.

— Зачем? — изумилась мама.

— Она мешает мне с нунчаками заниматься. Так что люстра у нас здесь больше висеть не будет.

Эти нунчаки подарили Жене знакомые. Нунчаки как нунчаки, палочки такие тяжёлые, на верёвочке. Если вращать их вокруг себя с большой скоростью, никто к тебе и близко не подойдёт.

Мама, как о люстре услышала, совсем разошлась.

— Мы всё-таки твои родители! — закричала.

— Спасибо, — говорит Женя.

— За что? — спрашивает мама.

— За то, что родили. Но знайте: дальше я буду жить так, как сама захочу. Без вас.

— А что тебя в нас не устраивает? — спрашивает мама.

И я вижу, как глаза у мамы вдруг заблестели.

— Да всё, — отвечает Женя.

И я слышу, что голос у неё дрогнул.

— А что именно? — продолжает настаивать мама.

— Да всё. У тебя... нервы.

— А у папы? — спокойно спрашивает мама.

— А папа... — задумывается Женя. — Папа клоун.

— Ах так... — отвечает мама. — Это вас жареный петух ещё не клюнул. — И быстро выходит из комнаты.

Мне даже не по себе стало. Как-то это всё... Но я молчу. Всё-таки мы с Женей сёстры, а раз так, то я всегда должна стоять за Женю, мне сама мама это говорила.

Сидим с Женей на полу, молчим.

И вдруг дверь открывается, и на пороге появляются наши родители. Папа с табуреткой. «Что сейчас будет!» — думаю я с ужасом. И о петухе вспомнила. Жареном.

— Всё же лучше разговаривать сидя, — говорит папа.

— Мы с папой посоветовались и решили, — говорит мама, — признать свои недостатки.

— Их у нас море, — говорит папа.

— Во-первых, — говорит мама, — у меня нервы. Во-вторых, я близорука... сутула... и косолапа.

Мы глядим на маму с ужасом.

— Нет... — неуверенно говорит Женя маме и качает головой, — ты лучше...

— Зато я, — перебивает её папа, — во-первых, я не люблю сидеть на полу. А во-вторых... я клоун!

И папа смешно надувает щёки...

Я смеюсь. Женя сдерживается-сдерживается, потом прыскает.

Вскоре к нам присоединяется и мама. Последним хохочет папа.

МОЯ ПОДРУЖКА НАТАШКА

У Наташки круглое лицо, поэтому она считает себя толстой и даже в гостях старается не есть печенье и вафли.

А ещё Наташкин папа построил у себя на даче настоящую русскую баню с парной. Потому что папа у Наташки — плотник высшего разряда.

И сама Наташка чего только не умеет!

Она и пельмени на обед сварит, и омлет с помидорами пожарит, и даже горчичники своему брату Павлику поставит. Если нужно.

Мои родители очень любят Наташку. Им очень понравилось, когда в ответ на мой прикол о том, что она, мол, курит, Наташка серьёзно, как взрослая, ответила:

— Ира шутит, я даже и не пробовала курить.

После её ухода родители мне такое устроили! Сказали, что я не умею себя вести с гостями и что я не могу не то что горчичники кому-то поставить, а кран за собой до конца завернуть в ванной. И что я даже зимой хочу ходить в кедах с тёплыми носками, а Наташка, как нормальный человек, зимой ходит в зимних сапогах.

Родители считают, что если судьба забросит меня на необитаемый остров, то я наверняка погибну, потому что не смогу разжечь костёр и построить себе шалаш. Но это не так. Потому что судьба если и забросит меня на необитаемый остров, то только вместе с Наташкой.

БЕЛАЯ И ЧЁРНАЯ МАГИЯ

Едем мы с Наташкой в автобусе, и вдруг я спрашиваю:

— А может такое быть, чтобы водитель автобуса перепутал и не по той улице поехал?

Мне иногда такие странные мысли в голову приходят, я сама себе удивляюсь.

Наташка говорит:

— Не может такого быть.

Едем дальше и едем. И вдруг народ в автобусе заволновался:

— Это какой номер автобуса? Крикните водителю! Куда это он повернул?

В общем, водителю крикнули, он развернулся и поехал правильно. Все успокоились, а мы с Наташкой из автобуса выскочили. На первой же остановке. «Дом книги» называется. Сначала мы хохотали прямо как бешеные, а потом взяли за руки и по улице побежали. В «Дом книги».

А там, на столике у входа, — книжка красивая. На обложке у неё золотыми буквами написано: «БЕЛАЯ И ЧЁРНАЯ МАГИЯ».

Мы с Наташкой сразу листать её стали. Там и о положительной, и об отрицательной энергии... И о разных магах много всякого написано... И о передаче мыслей на расстоянии.

На следующий день Наташка пришла к нам со своим братом Павликом. Сначала мы на компьютере в «голубого слона» играли, а потом позвонила Наташкина мама и сказала, чтобы Наташка и Павлик домой шли. И Наташка пошла одевать Павлика, а я пошла провожать их.

А наш папа недавно зеркало купил в прихожую. Тяжёлое, в резной раме. Наташка его потрогала и говорит:

— Какое у вас зеркало красивое!.. Какое у вас зеркало...

А ночью зеркало упало. Ровно в полночь, в двенадцать часов. И разбилось. И всех разбудило, потому что звук... В общем, очень страшный был звук.

Мама осколки стала подметать, а папа говорит:

— Всё же надо было зеркало не на один, а на два шурупа вешать.

А я подумала, что неспроста это Наташка сказала, когда уходила: «КАКОЕ У ВАС ЗЕРКАЛО КРАСИВОЕ!.. КАКОЕ У ВАС ЗЕРКАЛО...»

Наутро в школе я говорю Наташке:

— Наташ, а здорово у тебя это получилось...

Она спрашивает:

— Что получилось?

А я говорю:

— Да зеркало разбить, — и начинаю рассказывать, как сегодня ночью...

Наташка даже дослушивать не стала, покраснела вся и чуть не заплакала.

— Ты что? — говорит. — Разве я кому-нибудь хоть раз плохо сделала?!

Я говорю:

— Наташа, я же пошутила. Подумаешь, зеркало упало! Стечение обстоятельств. Даже смешно.

Она только рукой махнула. И несколько дней вообще меня не замечала. Я попробовала заговорить с ней, объяснить, что мой папа всего на один шуруп зеркало повесил, а она и слушать не захотела... Только хуже стало.

И я вспомнила, как в той книжке было сказано, что всех чёрных магов непременно ждут неприятности, потому что отрицательная энергия к ним возвращается. И ещё я подумала: раз я своими мыслями водителя автобуса с пути сбила, значит, я и есть чёрный маг.

Я даже есть перестала. Мама заметила, подумала, я заболела, градусник мне принесла. Лежу с градусником и спрашиваю:

— Мама, если бы тебе сказали, что я чёрный маг, ты бы поверила?

Мама на меня поглядела и говорит:

— Да что ты, Ирочка! Никогда. — И руку положила мне на голову, как маленькой.

На следующий день я сидела позади Наташки на труде. И видела, как ловко у неё получается крючком вязать. И вдруг я подумала о том, какая Наташка хорошая. И какие у неё волосы пушистые. И вообще... как терпеливо она Павлику пуговицы на куртке застёгивает.

А ещё я зачем-то подумала: «Наташка-промокашка!» Я же говорю, мне иногда такие дурацкие мысли в голову лезут, я сама удивляюсь.

А она довязала, повернулась ко мне и говорит:
— Ирка-дырка!

ВСТРЕЧА С ВОЛКОМ

Недавно нас с Ванькой Репкиным пригласили в детский сад, чтобы мы от нашей школы рассказали малышам сказку. Я надела красную шапочку, взяла в руки корзинку, а Ванька натянул настоящий театральный костюм Волка. Серый такой, мохнатый и с хвостом сзади.

— Репкин, — сказала я, — учти: дети совсем маленькие. Увидят они тебя в таком костюме — испугаются! Поэтому для начала объясни им, что ты, то есть Волк, на самом деле нестрашный.

— Ладно, — согласился он. — Я понимаю.

Детей в той группе, где мы собрались выступать, было немного.

— Я Серый Волк, — сказал Ванька, выходя на середину игровой комнаты.

Дети приветливо заулыбались.

— А меня зовут Андрюша, — доверчиво сообщил один, — и у меня зуб вчера выпал.

Я незаметно махнула Репкину рукой: мол, дети тебя не испугались, не надо им ничего объяснять! А он подумал, это я ему, наоборот, напоминаю, что детей морально подготовить надо.

— Детки! — продолжил Ванька сладким голосом. — Вот вы думаете, раз я Волк, я и вправду могу кого-то съесть?

Дети насторожились.

— Конечно, я могу сделать так! — Тут Репкин принял боевую позу каратиста и выставил вперёд перчатку с

чёрными волчьими когтями. — Но ведь это когти ненастоящие...

— Я могу сделать и так! — Ванька разинул пасть и лязгнул несколько раз зубами. — Но ведь и вы можете сделать то же самое, если зубы будете по утрам чистить...

— А ещё я могу так! — И Ванька завыл тоненько: — У-у-у... — закрыв глаза.

Когда Ванька завыл, дети из игровой выбежали. И меня, схватив за руки, за собой уволокли. Хоть они и маленькие, а понимают, что друга, то есть Красную Шапочку, в беде, то есть в компании Серого Волка, оставлять нехорошо.

«САМ ДУРАК!»

К нам в класс пришла новенькая — Эля. Из Израиля приехала. А там, в Израиле, всё не так, как в Москве.

Оказывается, чужую машину на дороге останавливать и просить подвезти, да ещё давать за это водителю деньги в Израиле просто неприлично. А девочки там все мечтают стать лётчицами, потому что в израильской армии с удовольствием служат все, и девушки тоже. А ещё израильтяне всех — и больших, и маленьких — называют на «ты».

Я обо всём об этом знаю, потому что мы с Элькой иногда из школы вместе идём.

Элька в классе помалкивает — наверное, боится промах какой-нибудь допустить.

Недавно на уроке она нашей Тамаре Семёновне сказала:

— А ты разрешишь нам... — и замолчала.

Но Тамара Семёновна будто и не заметила, что к ней на «ты» обращаются. Сказала:

— Да, Эля, о чём ты меня спросить хотела?

А Элька только головой помотала и ничего не ответила.

Меня в тот день с Вовкой дежурными по классу назначили. Я ведро воды в туалете набрала, чтобы полы помыть, взяла в руки швабру, а Вовка мне вдруг и говорит:

— Слушай, чего это ты с Элькой дружишь? У неё же задержка в развитии.

Я сразу и не поняла. А Вовка сидит на учительском стуле задом наперёд и говорит мне доверительно так:

— Эля просто дура.

И я поняла, что Эле в нашем классе не жить. Потому что Вовку у нас боятся. Он скажет, как припечатает. И на всё он смотрит не так, как другие. Всем кино нравится, а он говорит: «Полный отстой...» — и все замолкают. Всем кино не нравится, а он говорит: «Классная работа оператора!» — и многие начинают говорить за ним так же.

Мы уж и не знаем, хорошее кино или плохое, настолько Вовка нас запугал и запутал.

А я обыкновенно молчу. Но тут...

Я всё-всё Вовке с глазу на глаз выложила. И что он пошлые анекдоты девочкам рассказывает... И как он в буфете локтями всех расталкивает... И как он на математике у доски задачу решал, и в ответе у него вышло, что велосипедист ехал по дороге со скоростью сто километров в час. Над всяким бы смеялись, а над Вовкой — нет!

Я и сама не заметила, как пол в классе вымыла, так рассердилась.

Вовка посмотрел на меня и говорит:

— А у тебя лицо злое.

Мне так плохо сделалось. Я дома целый час в зеркало гляделась... Неужели правда?

Я маме рассказала, а она меня сурово так спрашивает:

— Что делать будешь?

Я говорю:

— Не знаю. Наверное, надо всем объяснить, какой он, Вовка. Чтобы знали.

Она говорит:

— Не думай. Если они умные, сами разберутся.

Назавтра после уроков сталкиваюсь в вестибюле с Вовкой. Нос к носу. Он у вешалок стоит, ехидно так улыбается. И сказать мне что-то хочет... Что у меня кеды не супер. Или что я дура.

Он только рот открыл, а я ему говорю:

— Сам дурак!

Взяла свою куртку и пошла. Меня Элька ждёт.

КРОСС, ИЛИ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Я, вообще, быстро бегаю. Бег — это единственное, что я на физкультуре люблю.

Осенью, когда мы в парке бежали кросс, одна накачанная девочка из восьмого класса подошла ко мне и говорит:

— Ты мне для разминки нужна. Дуй изо всех сил по дорожке, а я за тобой. Чтобы у меня был стимул тебя обогнать.

И я впереди этой восьмиклассницы побежала. Я отстала от неё, конечно, но всё-таки не сразу. А когда и восьмой класс, а за ним и седьмой кросс отбегали, настала очередь бежать и нам.

Я оторвалась от девчонок ещё на старте, пробежала метров пятьдесят и тут только поняла, что кричал наш Виктор Палыч: «Назад! Не туда-а!» — не кому-то, а мне.

А всё потому, что я перепутала тропинки. Всё же трудно бежать первой! Соображать надо, на разноцветные флажки смотреть.

Возвращаюсь и вижу: девчонки по всему парку растянулись. Бегут гуськом. Только хотела пристроиться в хвост — раз! — и поскользнулась на охапке мокрых листьев. И шлёпнулась. А на мне красивый спортивный костюм радостного жёлтого цвета. Мне его мама покупала.

Я встала, листья с себя стряхнула, бок потёрла, дальше побежала. Наверное, по инерции. Нам об этой инерции на физике недавно рассказывали.

Бегу и бегу. Мне же всё равно к выходу надо. И потом, бежать в грязном спортивном костюме не так стыдно, как идти.

Бегу и бегу. Скоро финиш. А на финише кричат, подбадривают:

— И-ра! И-ра! Ура-а-а!

Добегаю — а ребята мне улыбаются. А кое-кто и по плечу меня похлопал...

И такое у меня стало ПРЕКРАСНОЕ НАСТРОЕНИЕ!!!

ЖИЗНЬ НА ДАЧЕ

ДАВАЙТЕ ПРОСТИМ КОРОВУ

У коровы родился телёнок. У той самой, у которой мы брали молоко.

Мы жили на даче и каждый вечер ходили за этим молоком в деревню. А мне всего пять лет было. Я знала, что у коровы родился телёнок, увидела её в поле и захотела поздравить. Я подошла к корове, а корова меня боднула.

Я помню, как мама закричала, когда я домой пришла, и как мы с ней сразу в Москву поехали, чтобы мне губу зашили.

Мама рассказывает, что когда водитель автобуса увидел нас, он дал отправление раньше расписания.

А через десять дней, когда мне швы сняли, родители опять стали собираться на дачу. И я не могла уснуть, потому что всё время о корове думала. Как я её увижу.

Сначала ко мне пришёл папа и сказал, что корову накажут и она никого больше бодать не будет.

Потом рядом со мной села мама и сказала, что мы никогда больше не будем ходить мимо того дома, где плохая корова живёт.

А я лежала и представляла, как нам теперь только огородами ходить придётся. И как мама с папой кричат на корову. И как кто-то бьёт её кнутом.

И я сказала:

— Давайте простим корову.

И мама с папой успокоились. А я уснула.

ЯБЛОНЯ НА КОСТЯХ ДИНОЗАВРА

В прошлом году мы видели археологов. Они стояли у самого входа в Московский Кремль и пили «Пепси», прямо из бутылки. А рядом с ними была большая и какая-то очень сложная яма. Женя спросила археологов, что они ищут, и они ответили:

— Кости динозавра.

И мы решили: уж если динозавры в Москве водились, почему бы нам тоже не поискать эти кости. Ведь динозавры, конечно, гуляли везде. И по Москве, и по её окрестностям. И мы решили вырыть на даче в саду большую яму. Как археологи.

Мы взяли лопаты и стали копать. Было очень трудно. Мы несколько раз забежали в дом и пили воду. Зачерпывали кружкой прямо из ведра.

Я бы, наверное, бросила копать, если бы не Женя. Женя упорная, уж если что решит, то... Она даже обедать не стала, схватила кусок хлеба — и к яме.

— Скоро, — говорит бабушке, — первобытный слой покажется.

А когда яма сделалась Жене по шею, мы отыскали на дне ямы ржавый колокольчик.

— Зачем первобытному человеку колокольчик? — спрашивает Женя.

Я говорю:

— Этот колокольчик первобытный человек динозавру на шею вешал...

А что, ходят же по полю коровы... И колокольчиками звенят.

Мы с Женей посмеялись немного, а потом в дом пошли, потому что устали очень. А яму еловыми ветками прикрыли.

Вечером к нам папа приехал.

— Откуда у нас в саду западня для мамонта? — спрашивает. — Надо в эту западню что-нибудь посадить. Пока в неё не упал кто-нибудь.

Бабушка обрадовалась и говорит:

— Мне как раз саженец яблони обещали. Хорошего сорта — «штрифель».

И теперь у нас на том самом месте яблоня растёт. Правда, яблок мы пока не видели, яблоня только на седьмой год их даёт — так бабушка сказала.

Поскорей бы прошли эти семь лет! Интересно, какого цвета будут яблоки. Всё же эта яблоня «на костях динозавра». Папа до сих пор так её называет.

НАША ТАКСА ДУНЯ

Сначала дедушка моей подруги Наташки, когда его чёрная такса принесла щенков, хотел назвать единственную девочку из всего помёта Жаклин, потому что в молодости он был влюблён в жену американского президента, которую звали Жаклин, и на фотографии эта Жаклин смотрелась черноволосой красоткой. Но мама Наташки, когда увидела, какая Дуня рыжая, сказала, что никакая это не Жаклин, а Дуня.

Потом Наташка предложила Дуню мне. А я сказала об этом нашей маме.

А наша мама позвонила Наташкиной и спросила, сколько стоит собака, и чем её кормить, и какие прививки ей делать, и надо ли её купать. А в конце спросила, как собаку зовут. И Наташкина мама ответила, что Дуней. А потом добавила, что мы можем поменять это имя на какое угодно. Хоть на Жаклин.

Но мама ответила, что менять имя собаке мы не будем. Так Дуня и осталась Дуней.

СОБАКА С УЖАСНОЙ РЕПУТАЦИЕЙ

Если бы ваша такса, отдыхая на даче, съела мыш, и не просто мыш, а белую мыш соседей, кто был бы

виноват?.. Вы, потому что не углядели за таксой? Соседи, потому что забор вокруг своего дома не поставили? Или такса?

В нашем дачном посёлке решили, что виновата такса. Наша такса Дуня и виновата. А почему они так решили, я вам сейчас объясню.

Конечно, наша мама, узнав о съеденной мыши, сказала, что виноваты мы, и пошла к соседям извиняться. А соседи ответили, что они сами виноваты, раз забор вокруг дома не поставили.

И никто бы в посёлке ни о чём не узнал, если бы не Валерка со сто восемнадцатого участка. Он у нашей калитки стоял и всё слышал. А на следующий день, когда я с Дуней мимо футбольного поля шла, Валерка крикнул мне:

— У-тю-тю! Ваша Дуня мышь белую съела!

И это услышали все. И Димка тоже. А Димке я давно нравлюсь. И вообще, Димка такой, он, чуть что, сразу разбираться идёт. И почему-то эти разборки часто оканчиваются дракой. А как, вы думаете, поступила Дуня, увидев, что Димка с Валеркой сцепились и катаются по траве? С моей точки зрения, Дуня повела себя очень правильно, потому что улучила момент и цапнула Валерку за ногу.

Но тут ни у кого даже вопроса не возникло, кто виноват, что у Валерки царапина. Дуня и виновата. И назавтра у колодца маме сказали, будто наша Дуня детей кусает. Мама, как услышала, пошла к Валеркиной бабушке извиняться. И сказала, что Дуня с участка будет выходить только с ней или с папой. А с нами не будет.

А на следующий день, когда мы с Женей ушли на речку, Дуня устроила побег. Подкопала забор и... догнала нас.

Вечером папа обнаружил этот подкоп и сказал, что Дуню надо посадить на цепь. Временно. В наказание за то, что убежала. И Дуню посадили на цепь.

Ну не могла же я Дуне объяснить, что это ненадолго. И Дуня начала скулить и жаловаться. И скулила она всё громче и громче. А потом и выть стала. Так, что услышали все. И тут все сказали, что Дуня — ужасная собака. Что она и мышь белую съела, и детей кусает, и под заборами роет, и воет, как волк.

И тогда мама увезла Дуню в Москву, сказав, что никакой Дуня не волк, а обыкновенная такса. А ещё мама сказала, что никому она объяснить этого не может, потому что у Дуни ужасная репутация! И что отчасти в этом виновата сама Дуня.

Потом и осень настала... А зимой мы с папой по очереди большой снежный ком катали. Ком становился всё больше и больше, пока даже вдвоём у нас не получилось сдвинуть его с места. И этот ком стоял у нас во дворе всю зиму, а весной начал таять. А к лету от него и следа не осталось.

Так и с прошлогодней историей вышло. Когда мы приехали на дачу, у соседей была уже не белая мышь, а большой чёрный кот, по прозвищу Флинт. И когда Дуня погналась за ним, он даже на дерево забираться не стал, а зашипел, выгнул спину и дал ей по морде, то есть по носу. И соседи пришли к нам, чтобы извиниться. И принесли сосиску для Дуни, чтобы Дуня не расстраивалась. А когда мы с Димкой идём по полю и Димка несёт Дуню на руках, потому что у Дуни короткие лапы и она устала, весь дачный посёлок смеётся и называет Дуню «артисткой». И только мои родители, когда возле деревни Дуня начинает косить глазом в сторону кур, говорят ей:

— Рядом! Помни о репутации! — и берут Дуню на поводок.

МОЯ МАМА

Моя мама математик. И этим всё сказано, как говорит мой папа.

Однажды я попросила маму сварить мне яйцо всмятку. Сначала мама яйцо сварила, потом холодной водой его окатила, потом взяла в руку, чтобы на специальную подставочку поставить... А потом маме позвонили с работы — и она долго по квартире ходила, думала о своей математике.

В общем, мы это яйцо так и не нашли. Хотя везде искали, даже на балконе.

Когда папа предлагает маме пройтись по парку, мама отвечает:

— Сейчас, вот только работу закончу.

Папа ждёт и ждёт, когда мамина работа закончится, а она не кончается.

А ещё у мамы нервы. Особенно если маме мешать, когда она выводит на компьютере свои формулы.

— Закройте дверь! — кричит мама. — У меня мысль!

Но сердится она недолго. Мама понимает: как мы можем ей не мешать? И не спрашивать, где наши носки, и не просить её сварить нам какао. Ведь она дома работает, потому что её зарплата в институте чуть больше, чем стоит целый месяц до него ездить. Но из института мама всё равно не уходит.

— Надо же кому-то продолжать заниматься наукой, — говорит о маме бабушка.

ЗАПУСКАЕМ ВОЗДУШНОГО ЗМЕЯ

В Америке любят запускать воздушного змея. Дождутся ветра, выйдут в поле и... запустят змея.

Это помогает забыть о неприятностях и создаёт хорошее настроение. Так американцы сказали маме летом, во время научной конференции. Американцы и подарили маме воздушного змея, и не одного, а целых пять! Сказав, что мама может отдать их кому захочет.

Когда конференция закончилась, мама со змеями поехала на дачу. Но привезла она только одного змея, потому что остальных она по дороге раздала. И я не могу сказать, что это сильно нас с Женечкой обрадовало.

Нет, с первым змеем мама решила правильно, потому что отдала она его Маугли, которую встретила на улице, а Маугли — хорошая девчонка. Мы знаем её сто лет. Когда-то в детстве мы с мамой ходили в парк, и мама читала нам на скамейке книжку. И Маугли вставала у мамы за спиной, слушала и очень весело, когда нужно, смеялась. Маугли, в отличие от нас, всегда гуляла одна. Может быть, оттого она и научилась так здорово лазать по деревьям.

Второго змея мама отдала какому-то мальчику на вокзале. Он играл на скрипке, поставив перед собой большую старую шляпу.

— Зачем?! — закричали мы с Женей, когда об этом узнали. — Зачем было отдавать ему змея? И вообще... Может, он зарабатывал на сигареты или на пиво... Ну положила бы ему в шляпу десять рублей... А ты!

— Не знаю, — ответила мама. — Он хорошо играл.

Третьего змея она отдала женщине, сидевшей напротив в электричке. За два часа дороги она рассказала

маме о том, что муж сильно пьёт, а иногда и бьёт её и что зимой он попал в больницу, потому что его, пьяного, едва не задавила насмерть машина. А ещё женщина сказала, что единственная отрада у неё в жизни — это двенадцатилетний сын, он очень ей помогает.

— Поймите... — вздохнула мама. — Мне так хотелось порадовать эту несчастную женщину и её мальчика!

— А почему она терпит такого мужа? — спросила Женя. — Почему не разведётся?

— Не нам судить, — сказала мама.

— А четвёртого змея ты кому отдала? — спросила я.

— Валерке.

— Кому?! — в один голос закричали мы с Женей.

— Валерке, — повторила мама. — Со стовосемнадцатого участка. Мы ехали из Зарайска в одном автобусе. Он сумку помогал мне нести.

Отдать змея Валерке?! Тому самому, который...

— Валерка просто... — сообщила Женя маме.

— Что?! — задохнулась мама. — Откуда ты слова такие знаешь?! У тебя интеллигентная бабушка!

— Мама, насчёт Валерки ты здорово заблуждаешься, — объяснила я. — Неужели ты не могла отдать змея другому мальчишке? Любому. Нашему...

— Ох!.. — вздохнула мама. — Наш, не наш... Ну сколько раз я вам говорила: нельзя делить людей на наших и не наших!

— А хоть что на том змее нарисовано было? — спросила я, глядя на маму с тоской.

— Черепашка-ниндзя, — ответила мама. — Страшненькая такая, с банданой на голове. А вам я другого змея оставила, с солнышком.

Вот этого маме говорить было не нужно. Зря она в этом призналась. Уж лучше бы промолчала.

— А ты не подумала о том, что у тебя две дочери? — выпалила я. — И что каждой надо было привезти по змею...

— Хватит! — закричала мама. Заплакала и выбежала на крыльцо.

Мы с Женей еле её догнали.

— Мама, мамочка! — наперебой заговорили мы. — Давай... запустим... воздушного змея!

СОБАКА, СОЗДАННАЯ ДЛЯ СЧАСТЬЯ

У Шарика не одно, а сразу три имени. Потому что наше дачное товарищество, как и некоторые государства на карте, поделено на несколько частей. И эти части называются:

ПОЛЕ, ЛИПОВАЯ АЛЛЕЯ и ЗА РУЧЬЁМ.

Мы живём в «Поле», и Шарика у нас называют Шариком. А на «Липовой аллее» его кличут Дружком, а «За ручьём» — и вовсе Малышом.

Но на все эти имена Шарик откликается, даже на Малыша, хотя Шарик совсем не маленькая собака. «Малыш так Малыш», — думает, наверное, Шарик. И принимает угощение. Деликатно и осторожно, чтобы не прихватить ничью руку.

Шарик, конечно, не единственный беспризорный пёс в посёлке, но других здесь по имени не называют. Собака и собака. А вот Шарика...

Во-первых, Шарик белого цвета. Мама говорит, что это просто невероятно для бродячего пса быть белым,

как облако. Но Шарик такой. Всегда, даже когда грязно. А во-вторых, Шарик умеет улыбаться.

Каждое утро он прибегает к нам на участок и, улыбаясь, глядит на маму, будто спрашивает: «Ну, что у нас на сегодня?»

И мама отвечает:

— Подожди, Шарик, я ещё не постирала. Вот постираю, тогда за земляницей пойдём.

И Шарик в ответ вежливо машет своим пушистым хвостом: мол, ладно, чего там, я подожду. И ложится в тень. И ждёт.

Когда мы идём по дороге, Шарик обязательно бежит впереди, время от времени лая. Лает он внушительно и только по делу. Мимо нас то машина проедет, то пастух со стадом пройдёт. И Шарик лает, предупреждает: «Проходите, проезжайте. А этих девочек и эту женщину не трогайте. Они со мной».

А когда мы возвращаемся, Шарик весело, но требовательно глядит на маму, как будто говорит: «Ты видела, хозяйка, я старался... Корми меня».

И мама быстро проходит в дом и выносит ему большую дымящуюся миску с кашей.

Когда у нас появилась такса, мы поначалу думали, что чужую собаку она на участке не потерпит. Но Дуня сделала для Шарика исключение. Стоит нам увидеть в окна веранды, как Шарик неторопливой походочкой бежит от калитки к дому, и крикнуть: «Шарик!» — и Дуня с разбега распахивает дверь. На крыльце они и здороваются с Шариком. «Церемонно», как говорит мама, но «дипломатически вежливо».

Мы видим, как стареет Шарик. Каждый год, приезжая на дачу, мы замечаем, что он то на заднюю лапу прихрамывает, то улыбка у него без одного зуба...

Прошлой осенью мы хотели взять его с собой в Москву. Но потом вспомнили, что в дом Шарик не заходит никогда. А ещё мы вспомнили, как кто-то сказал о нём: «Собака, созданная для счастья».

А какое счастье Шарику в Москве, где одни машины и дома в шестнадцать этажей?.. Как ему без этого поля, без этих дорожек, без этой сторожки, где живут сторожа?

И мы не взяли Шарика. А на следующее лето его в посёлке уже не было.

У Жени день рождения в июле. Она вошла в калитку с большим воздушным шаром, который подарили ей соседи, а я поглядела в окна веранды и сказала маме: «Вот это шарик!» А Дуня вдруг залаяла радостно и дверь с разбега открыла...

И нам стало тепло-тепло. И хорошо до слёз.

В НАШЕ ВРЕМЯ

А ВОТ В НАШЕ ВРЕМЯ...

Мне очень не нравится, когда взрослые говорят:

— А вот в наше время...

Потому что дальше они обязательно начинают рассуждать о том, насколько в их время всё было лучше...

А так вообще мне нравится, когда взрослые о чём-то интересном вспоминают. И о том, что в Москве Олимпийские игры проходили, и о том, что девочки носили в школах коричневые шерстяные платья и чёрные фартуки. И что даже ноты приходилось переписывать когда-то от руки, потому что ксерокс ещё не изобрели!

Мне очень нравится, когда мама рассказывает о том, какое мороженое было раньше:

«За семь копеек — фруктовое.

И молочное за девять.

И пломбир за одиннадцать.

И стаканчик за тринадцать.

И шоколадное за пятнадцать».

Я спросила маму: как она помнит все эти цены? А она ответила, что цены никогда не менялись и во всех магазинах были одни и те же, поэтому она запомнила их на всю жизнь.

Мне нравится, когда бабушка показывает нам старые чёрно-белые фотографии, на которых много-много народу, и говорит:

— Ваш прадедущка, который родился в Суздале, был двенадцатым в семье...

Мне очень понравилось, как перед Днём Победы к нам в школу пришёл мамин дядя, дядя Андрюша, и стал рассказывать нам о Великой Отечественной войне. Когда началась война, дяде Андрюше было восемнадцать лет и его взяли на войну прямо с исторического факультета университета.

Мой сосед Колька Егоров спросил его:

— А сколько человек вы убили?

Я Кольку локтем пихнула, а дядя Андрюша ответил:

— Я, ребята, связь налаживал.

А потом сказал, что война — это работа. И когда они в начале войны втроём через шоссе перебежали с катушкой и тянули провод, то из троих добежал только он один, потому что шоссе обстреливалось. И ещё он рассказал, что тогда его ранило осколком в ногу, только он сгоряча этого не заметил, а потом его отправили в гос-

питаль, а бинтов там не хватало, и ему прикладывали к ране мох.

Вот такая история мне нравится. Такую историю я понимаю. И помню каждое словечко.

Но когда Пётр Николаевич спрашивает меня на уроке истории:

— Шмелик, в каком году отменили крепостное право? — я молчу, как будто немая.

А Пётр Николаевич сердится.

ПЕРЕСТРОЙКА

Мои родители поженились в самом начале перестройки. У нас даже фотография есть, где они, молодые и весёлые, сидят на диване, а в углу их комнаты телевизор горит, и по нему показывают съезд — огромный такой зал, в котором кто-то с трибуны выступает.

Папа тогда инженером был, а мама в институте ещё не работала, а только училась.

Мама рассказывает, что на свадьбу она белые колготки у кооператоров купила. А кооператоры — это такие люди, которые ещё до перестройки мечтали шапочки вязать и джинсы шить, но не для себя, а на продажу, чтобы много денег зарабатывать. Только они о своей мечте до перестройки молчали или шили тайком, чтобы их в тюрьму за это не посадили.

Мама купила у кооператоров белые колготки, но они не налезли маме даже на руку. И не потому, что мама у нас толстая, а потому, что кооператоры поначалу ещё делать ничего толком не научились.

Когда родилась Женечка, а за ней и я, мама кооператорам уже не доверяла и сама шила нам и курточ-

ки, и даже комбинезоны — из своих старых вещей. На мой комбинезон мама сделала красивую розовую вставку из своего выпускного платья, и когда мы гуляли в парке, многие мамы подходили к ней и просили рассказать, где она мне такой необыкновенный комбинезон достала.

Тогда мама решила сама стать кооператором и шить детям комбинезоны. К нам домой приехал какой-то дяденька и поставил на швейную машину какое-то хитрое приспособление, чтобы она быстрее строчила. Но у мамы всё же не получалось строчить быстро, поэтому денег нам всё равно не хватало.

Многим нашим знакомым тоже не хватало денег, и они тоже «перестроились». Дядя Саша начал торговать книгами в спорткомплексе «Олимпийский», а тётя Марина — шапочками на площади у трёх вокзалов. Стоять целый день с шапочками на одном месте тёте Марине было холодно, поэтому она взяла у мамы огромные валенки, в которых мама зимой гуляла с коляской, а после открыла ей секрет бизнеса: **ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ЧТО-ТО ПРОДАТЬ, ЭТОГО ДОЛЖНО БЫТЬ МНОГО И ЭТО ДОЛЖНО БЫТЬ РАЗНОГО ЦВЕТА!**

Шапочки у тёти Марины были разные: и салатовые, и голубые, и розовые, и белые, и фиолетовые, и даже непонятного цвета электрик. Тётя Марина посоветовала маме бросить шить комбинезоны, а лучше купить у неё большую коробку с шапочками, по шесть рублей за штуку, и продать шапочки на рынке, но уже по десять рублей. Возвращаясь с рынка, мама зашла в магазин и увидела, что там висят те же самые шапочки, только с этикетками и по три рубля. Мама позвонила тёте Марине и спросила, где она берёт свой товар и какая у него цена, а тётя

Марина ответила, что БИЗНЕС — ДЕЛО ИНТИМНОЕ.

Но больше всего денег стала зарабатывать тётя Света, мама маленькой Вики с десятого этажа. У тёти Светы до перестройки было два чёрных глаза, а во время перестройки открылся ещё один, невидимый, третий по счёту.

О ней написали в газете и даже рекламу разместили: «ЯСНОВИДЯЩАЯ ЛАНА».

Света-Лана купила чёрную «Ауди» и научилась её водить и пригласила нас в свой новый загородный дом. Света-Лана показала маме ружьё, которое она купила, чтобы обороняться от рэкетиоров, и мама воскликнула:

— Света, когда ВСЁ ЭТО кончится, когда наступит нормальная жизнь?

И Света-Лана ответила, что такая жизнь наступит, но не скоро. И посоветовала маме поменьше задумываться.

У наших соседей снизу заработали отбойные молотки. Эти молотки стучали целый день: тра-та-та-та-та-та... А когда папа спустился, то увидел, что половина стен в квартире соседей куда-то подевалась, поэтому их кухня стала в два раза больше, а коридор — в полтора раза шире. Соседи признались папе, что мечтали о такой квартире давно. Но перестроили её только сейчас, потому что сейчас перестройка! Соседи посоветовали папе сделаться экономистом, а ещё лучше менеджером. И показали ему новые шкафы-купе в спальне и белые жалюзи на кухне.

Вернувшись домой, папа сказал, что нам с Женечкой надо есть фрукты и что жалюзи на окнах — это красиво. Ещё папа сказал, что он больше не позволит маме целыми днями строчить на машинке и что в детстве у него

была голубая мечта — водить поезд, потому что ему нравилась песня о голубом вагоне... Вот эта:

К новым приключениям спешим, друзья!

Эй, прибавь-ка ходу, машинист!

И папа ушёл работать в метро. Машинистом.

Недавно я ехала в метро, и вдруг поезд остановился. Поезд стоял в тёмном туннеле минуту или две, а потом кто-то папиным голосом ласково-ласково объявил в микрофон:

— Уважаемые пассажиры! Просьба соблюдать спокойствие. Поезд ско-о-о-о-ро отправится...

Все в вагоне дружно засмеялись, а я на первой же остановке из него выскочила и побежала к кабине машиниста.

Папа сказал, что в кабину он меня не пустит, потому что это по инструкции не положено. И чтобы я ехала в первом вагоне.

На станции «Речной вокзал» к нам подошла какая-то женщина в голубой рубашке, такой же, как у папы, и спросила его:

— Это дочка твоя? — И сказала, что она меня покажет.

И папа рукой мне махнул, чтобы я в кабине у стенки встала. Я встала, а женщина сказала:

— Меня зовут тётя Таня, — взялась за какую-то ручку, похожую на кочергу, и поезд отправился.

Я ехала в кабине и видела светофоры, совсем как на улице: зелёные, красные и жёлтые. И мне казалось, что поезд — это не поезд, а огромный червяк, который не прямо ползёт, а извивается и роет себе

под землёй подземный ход. А тётя Таня сказала, что так оно и есть, потому что, когда прокладывали метро, строителям всё время приходилось обходить плывуны и скалистые породы.

Я спросила:

— А инструктора вы не боитесь?

И тётя Таня ответила, что работает она в метро двадцать пять лет и поэтому ничего не боится. И что все другие машинисты так её и зовут: тётя Таня Петракова.

Когда я вышла на «Соколе», тётя Таня Петракова мне подмигнула и сказала, что папа у меня хороший. И что я похожа на папу.